

ШЯУЛЯЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА

ВИОЛЕТТА МАРТИНСКАЙТЕ-ВАСИЛИК

Программа «Деловой перевод (русский язык)»

**Причастия в русских юридических текстах
и их перевод на литовский язык**

Магистерская работа

Научный руководитель:
доц. И. Бойкене

Шяуляй, 2010

ŠIAULIŲ UNIVERSITETAS
HUMANITARINIS FAKULTETAS
RUSŲ KALBOS KATEDRA

VIOLETA MARTINSKAITĖ-VASILIK

Dalykinio vertimo (rusų kalba) programa

Dalyviai rusų teisiniuose tekstuose ir jų vertimas į lietuvių kalbą

Magistro darbas

Darbo vadovas:
doc. I. Boikienė

Šiauliai, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. Причастие в русском и литовском языках	6
1.1. Причастие в истории русского и литовского языкознания	6
1.2. Особенности русских и литовских причастий	10
1.3. Классификация причастий в русском и литовском языках	13
1.4. Выводы	16
2. Причастия в русских юридических текстах и их перевод на литовский язык	18
2.1. Учёт словообразовательной структуры при переводе причастий с русского языка на литовский язык	18
2.1.1. Перевод полных действительных причастий	19
2.1.2. Перевод полных страдательных причастий	22
2.1.3. Перевод кратких страдательных причастий	25
2.1.4. Перевод безэквивалентной лексики	27
2.2. Субстантивированные и адъективированные причастия и их перевод	29
2.3. Синтаксическая позиция причастий и их конструкций при переводе юридических документов на литовский язык	35
2.3.1. Препозиция причастных форм и их перевод на литовский язык	37
2.3.2. Постпозиция причастных форм и их перевод на литовский язык	40
2.4. Выводы	46
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	48
БИБЛИОГРАФИЯ	50
SANTRAUKA	54
SUMMARY	55
АННОТАЦИЯ	56
ПРИЛОЖЕНИЯ	

ВВЕДЕНИЕ

Чистотой языка занимаются не только государственные лингвистические комиссии, но и переводчики: они пытаются избежать иноязычных заимствований и приблизиться к живой речи. Однако переводчики юридических документов обязаны руководствоваться точностью оригинального текста и подбирать соответствующие лексемы.

Юридический язык характеризуется высокой степенью конфликтности, любое высказывание хранит в себе потенциал непонимания, недопонимания, «не так понимания», двусмысленного понимания. Каждый речевой акт и каждое речевое произведение при определенных условиях может привести к необходимости юридического разбирательства. Конфликтными являются и сами юридические тексты, многие из которых даже при повышенной требовательности к их языковой точности и логической правильности допускают неоднозначное толкование, приводящее к экспертным и судебным спорам.

Актуальность исследования обусловлена значимостью категории причастий в юридическом тексте, широкими словообразовательными возможностями причастий русского и литовского языков. В данной работе выдвинута проблема качества перевода с русского языка на литовский. В системах обоих языков неспрягаемые формы глагола нередко являются камнем преткновения для переводчиков.

Новизна исследования заключается в том, что впервые функционирование причастий рассматривается на материале правительственных документов Литовской Республики и Российской Федерации. До настоящего времени причастия в основном изучались на материале одного языка.

Практическая ценность работы состоит в том, что результаты проведенного исследования могут найти применение в преподавании перевода, а также при чтении курсов по теоретической и практической грамматике литовского и русского языков, а также по словообразованию, лексикологии, стилистике, переводоведению.

Цель работы – проанализировать причастия в русских юридических текстах и их перевод на литовский язык, установить сходство и различия структуры и употребления причастий в русском и литовском юридических текстах.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие **задачи**:

- Проанализировать научную литературу по теме исследования.
- Рассмотреть проблему определения статуса причастий в русском и литовском языках.
- Выбрать причастия из русских юридических текстов.

- Выявить особенности употребления причастий и причастных форм в юридических документах.
- Установить общие и частные закономерности, наблюдаемые при переводе причастий с русского языка на литовский.

Объект исследования – русские и литовские причастия, выбранные из аналогично значимую и юридическую силу имеющих текстов обоих языков.

Методы работы:

- анализ научной литературы;
- компонентный анализ;
- синтаксический анализ,
- сопоставительный анализ,
- статистический анализ.

Материал исследования. Между Литовской Республикой и Российской Федерацией имеется множество договорённостей и соглашений, направленных на ведение переговоров и совместного торгово-экономического сотрудничества. На сегодняшний день заключены и действуют 8 межгосударственных, 29 межправительственных и около 15 межведомственных договоров и соглашений. Около 20 проектов соглашений прорабатывается в рамках двусторонней Российско-Литовской Межправительственной комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому, гуманитарному и культурному сотрудничеству. Материалом для исследования послужили соглашения в рамках двусторонних Российско-Литовских Межправительственных органов по торгово-экономическому, научно-техническому, гуманитарному и культурному сотрудничеству. Из 35 соглашений и договоров на русском языке было выбрано и проанализировано 280 причастий.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, источников и приложения.

Во введении указываются цели, задачи и методы исследования, определяется практическая значимость работы.

В первой главе приводится обзор научной литературы по теме нашего исследования, рассматриваются основные положения причастия и его перевода.

Во второй главе даётся анализ причастий, выбранных из исследуемых материалов, и их перевод на литовский язык.

В заключении подводятся итоги проведённой работы.

Библиографию составляют 58 позиций.

В приложении представлены юридические тексты на русском и литовском языках.

1. ПРИЧАСТИЕ В РУССКОМ И ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКАХ

1.1. Причастие в истории русского и литовского языкознания

Развитие причастия берёт начало с древних времён, ещё с раннего индоевропейского праязыка, и продолжается по сей день. Как самостоятельная часть речи причастие упомянуто в античных грамматиках, а сам термин «причастие» (*metoxe*) был введён основателями школы стоиков (3 в. до нашей эры). Окончательный вид античная система частей речи приобрела у учёных Александрийской школы. В её период составлена грамматика Дионисия Фракийского (170 – 190 г.г. до нашей эры), выделившая причастие как особую часть речи, с чем согласны были римские, а потом и европейские учёные. Такая классификация до XVI – XVII оставалась неизменной, а потом подверглась изменениям и дополнениям.

И. В. Замятина в своей работе «Грамматика русского причастия» прослеживает развитие этой части речи в истории русского языкознания: М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» 1755 года выделил восемь частей речи, повторив античную классификацию: имя, местоимение, глагол, причастие, наречие, предлог, союз, междометие. Филолог-славист А.Х. Востоков в 1820 году опубликовал "Рассуждение о славянском языке", содержащее важные открытия из истории древнеславянских языков и заложившее основу сравнительного славянского языкознания. В этой работе причастие он включил в систему имени прилагательного, которому в его классификации впервые в русской лингвистике был дан статус самостоятельной части речи (Виноградов, 1978, с. 183).

И. Б. Голуб точно заметил, что «книжность» причастий объясняется их историей: они восходят к старославянскому языку и поэтому издавна были принадлежностью письменной речи. В поэзии 18 в. обилие причастий было отличительной чертой «высокого штиля» (Голуб, 1989, с. 135).

В истории русского языкознания часто рассматривался вопрос о двойственной сущности причастия. Одним из первых на промежуточное положение причастия указал В.А. Богородицкий – российский лингвист, автор важных работ в сфере индоевропеистики и общего языкознания. Эта мысль о связи некоторых частей речи и смешении свойств разных частей речи в одной была развита А.М. Пешковским, который определил причастие как часть речи, «в которой смешаны глагол и прилагательное», хотя и объединил причастие, деепричастие, инфинитив и глагол в одну группу, для которой в «русской грамматике нет термина» (Замятина, 2010, с. 2).

В грамматических трудах второй половины XIX – начала XX века проводится одна мысль – причастие обладает свойствами и глагола, и прилагательного, оно занимает неопределённое место в грамматической системе русского языка. Проблема грамматического статуса «смешанных» частей речи начала обсуждаться в XIX веке, а в отечественном языкознании XX века она связана в первую очередь с именем В.В. Виноградова. Его заслуга заключается в осмыслении многообразных и противоречивых грамматических явлений, в неразрывной связи всех языковых уровней. В.В. Виноградов считает, что причастия – это «поток форм», который идёт непосредственно от глагола и внедряется в систему имён прилагательных. В.В. Виноградов определяет причастия как «гибридные формы-слова», которые находятся в смешанной глагольно-именной зоне и, «входя в систему форм глагольного слова, они в той или иной мере тяготеют к отрыву от него» (Замятина, 2010, с. 2).

Проанализировав историческое развитие причастия русского языка, можем выделить такую его классификацию:

- 1) самостоятельная часть речи (В.В. Бабайцева, В.А. Богородицкий, Ю.Д. Каражаев, А.М. Пешковский (с некоторыми оговорками));
- 2) часть системы имени прилагательного (в какой-то степени – В.В. Виноградов, А.Х. Востоков, Л.З.Зайцев);
- 3) часть системы глагола (эта точка зрения является господствующей, она отражена в Грамматике русского языка (1980), в большинстве школьных и вузовских учебных пособий).

Но, как бы ни определялось причастие – как прилагательное, как глагольная форма или как часть речи – неизменным остаётся одно: причастие обладает признаками и свойствами имени прилагательного и глагола. Мы присоединяемся к мнению И. В. Замятиной, поддерживающей точку зрения П.А. Леканта, которая заключается в том, что причастие, обладая парадигмой прилагательного, не потеряло значения процессности и сохранило глагольные значения вида, времени и залога и, следовательно, в равной мере может претендовать как на статус части речи, так и на статус глагольной формы (Замятина, 2010, с. 3).

Учебник современного русского языка (Рахманова, 2007) указывает, что многочисленные исследования русских языковедов (см. работы В. В. Бабайцевой, А. Г. Баранова, А. Л. Баудера, В. В. Виноградова, Б. Е. Зернова, Л. П. Калакуцкой, Е. П. Калечиц, В. И. Кодухова, Е. С. Кубряковой, М. Ф. Лукина, Л. Я. Маловицкого, В. Н. Мигирова, Т. С. Тихомировой, П. В. Чеснокова, В. В. Шигурова и др.), а также значительное количество диссертационных работ (А. И. Бахарева, Т. А. Бударинной,

В. В. Бурлаковой, Т. А. Гераськиной, М. М. Гухман, Е. М. Демьяновой, Б. М. Задорожного, В.Ф. Ивановой, И. А. Краснова, В. Е. Ломтевой, В. В.Лопатина, А. Прокопчука, Е. В. Раевской, Л. И. Удаловой, Г. С. Щура, А. Н. Шомина и др.) посвящены переходным явлениям частей речи, в том числе причастий. Однако только в некоторых работах упомянута тема перевода самого русского причастия на иностранные языки.

Литовский язык, будучи консервативным и архаичным, сохранил все причастия, унаследованные из индоевропейского праязыка. Таким образом унаследованы действительные (настоящего, прошедшего и будущего времён) и страдательные (настоящего, прошедшего и будущего времён) причастия. Совсем новые, только в литовском языке употребляемые причастия многократного времени, потому что из всех индоевропейских языков только литовский язык имеет отдельное прошедшее многократное время. Позднее сформировались четыре формы деепричастий (настоящего, прошедшего однократного, прошедшего многократного и будущего времён), которые образовались от действительных причастий. Неизвестно происхождение причастных форм полупричастия и причастия долженствования, которое обычно относится к страдательным причастиям.

О причастиях литовского языка писали лингвисты В. Амбразас, Й. Казлаускас, А. Лайгонайте, Й. Палёнис, З. Зинкявичюс, однако, по сравнению с русским языковедением, исследование причастий в данных работах занимает небольшое место. Много форм имеющую глагольную систему литовского языка учёные сравнительного языкознания не раз пытались сопоставлять с глагольной системой русского языка. Природа литовских причастий указывалась в сопоставительных грамматиках, разных языковедческих трудах, школьных грамматиках.

В настоящее время в литовском языке имеется тринадцать причастных форм: четыре действительные причастия, три страдательные причастия, одно полупричастие, одно причастие долженствования и четыре деепричастия. В русском же языке существует только три временные и неспрягаемые формы причастий.

«Литовский язык лучше всех живых индоевропейских языков сохранил древнее употребление глаголов; данные об этом употреблении значимы не только в балтистике, но и в сопоставительном языкознании и в общей языковой типологии» (Ambrazas, 1979, с. 5). Учитывая важность содержания цитаты, в своей работе рассмотрим и «причастные предложения», которыми условно называются причастные группы слов, заменяющие придаточные предложения. Причастные предложения (причастные обороты) ещё Йонас Яблонскис называл придаточными сокращёнными предложениями, ибо они некоторым

образом «стягивают», сокращают более длинные непричастные придаточные предложения (Kazlauskas, 1968, с. 112). А. Климас в книге „Lietuvių kalbos dalyvių vartojimas“ («Употребление причастий литовского языка», 1993) побуждает чаще употреблять эту часть речи, и приводит детальное практическое руководство. Эта его работа – первая, в одном месте содержащая форму, образование, склонение и употребление причастий, обычно эти сведения были рассеяны по разным частям морфологии и синтаксиса. Автор предлагает развёрнутое описание морфологических признаков и синтаксических функций причастий в современном литовском языке. Многие литуанисты следовали его позиции, что причастия различаются между собой отношением к категориям времени и залога. От прилагательных их отличает наличие:

- а) выражения действия или состояния в лексическом значении;
- б) временного и
- в) залогового значений.

При этом все три перечисленные глагольные свойства могут проявляться не столь явно или вообще утрачиваться ими. Это возможно в том случае, когда причастие теряет связь с глаголом.

Из приведённого описания видно, что А. Климас даёт трактовку причастия, в первую очередь, исходя из его синтаксического употребления; при этом он изначально относит этот класс слов к системе глагола и наделяет его глагольными категориями, которые потенциально присутствуют в каждом причастии, но, тем не менее, имеют тенденцию не всегда полно и отчётливо проявляться, а иногда даже полностью утрачиваться. Таким образом, литовский лингвист рассматривает причастие в системе глагольных форм, но отмечает, что «оно ведёт себя достаточно «мобильно» и легко переходит из одной части речи в другую – из класса глагола в класс прилагательного» (Klimas, 1993, с.27).

Причастия литовского языка образуют довольно сложную систему как в отношении морфологических качеств, так и в отношении употребления и разных своих значений. Интересна и полезна работа Я. Бразаускене и И. Мишкинене „Neasmenuojamosios veiksmažodžių formos – vertimo rīfai“ («Неспрягаемые глагольные формы – рифы перевода», 2007), в которой приведены практические советы студентам-переводчикам, изучающим сопоставление причастных форм в литовских и русских текстах. Однако они основываются на работе Д. Тякорене „Lietuvių kalbos padalyvio ir pusedalyvio atitikmenys anglų kalboje“ («Соответствия деепричастий и полупричастий литовского языка в английском языке», 1973), в которой автор этим глагольным формам даёт совсем иные эквиваленты названий. Я. Бразаускене и И. Мишкинене в исследовании

литовского и русского причастия и его форм хотят подчеркнуть терминологическое несоответствие. «Точнее и существеннее было бы оставить слово *деепричастие* без перевода, этим представляя особую неизменяемую форму русского глагола, имеющую качества глагола и наречия. Соответственно в русском тексте употреблять *пудаливис* и *падаливис* как эквиваленты *деепричастия* с некоторыми оговорками (Brazauskienė ir Miškinienė, 2007, с. 41). В некоторых случаях анализа причастий и деепричастий похожие термины предлагал и К. Мустейкис. Смеем с этим не согласиться, несоответствия имеются не только в системе глагола, поэтому нецелесообразно каждую часть речи, имеющую различия, называть (и писать) иностранными словами. Таким образом, во избежание «некоторых оговорок», названия причастия и его форм оставим традиционными.

1.2. Особенности русских и литовских причастий

Балтийский, славянский и германский языки имеют много точек соприкосновения, чего не можем сказать о других индоевропейских языках. Ближе всего к балтийским языкам – славянский язык (насчитывается более 300 общих для балтийцев и славян слов, соответствий которых не имеется в других индоевропейских языках, также наблюдается немало общностей на уровне морфологии и синтаксиса). Поэтому по теории германского лингвиста А. Шлейхера балты и славяне когда-то составляли одну балто-славянскую ветвь, позднее распавшуюся на два ответвления. Эту свою позицию он указал ещё в 1853 г. в своей книге «Lituanica» (http://en.wikipedia.org/wiki/August_Schleicher). Однако другие лингвисты с таким мнением не согласны и утверждают, что балтийский и славянский языки вышли из близких диалектов праязыка (А. Мейе), а много общих обоим языкам аспектов унаследованы потом, по причине постоянного близкого контакта этих языков. Ещё одна гипотеза утверждает, что славянские языки появились из периферийных балтийских диалектов (такая позиция представлена в работе В. Топорова и В. Иванова «Исследования в области славянских древностей»). По причине постоянных взаимоотношений России и Литвы сохранилось много общекультурных и общезыковых явлений. В своих диссертационных работах Р. Владарскене и Ю. Гирчене исследовали особенности литовского языка и отметили, что, несмотря на тенденцию очищения литовского языка от славянского влияния, присутствие общностей ярче всего сохраняется в официальных межгосударственных документах. Как видим, общность языковых средств очевидна, сходство форм, значения и употребления отдельных частей речи – бесспорно.

В зависимости от того, какое лексическое значение имеет исходный глагол, от которого образована причастная форма, от того, в каком контексте она употреблена, в ней могут проявляться то глагольные, то «прилагательные» признаки. Причастие даже в позиции согласованного препозитивного определения, позиции, первичной для имени прилагательного, может оставаться причастием, сохраняя свою двойную семантическую и морфологическую сущность.

Помимо проблемы частеречного статуса причастных форм, другой, часто обсуждаемой, проблемой является адъективация, изучению которой посвящено множество работ (Т.И. Антонова, А.И. Бахарев, С.Г. Берешков, А.А. Боровлёв, Т.А. Гераськина, Е.М. Демьянова, Л.П. Калакуцкая, И.А. Краснов, М.Ф. Лукин, И.К. Сазонова, и др.). Адъективация русских причастий исследовалась в синхронном и диахронном аспекте и в сравнении с адъективацией причастных форм в языках индоевропейской и других семей.

Причастие, благодаря своей двойственности, форма чрезвычайно гибкая с точки зрения синтаксического строя языка – пожалуй, никакая другая часть речи не может занимать столь разнообразные позиции в структуре предложения. Причастие – уникальная форма, с одной стороны, оно имеет способность управлять падежными формами имён, с другой – причастие в структуре предложения играет роль атрибута, занимает синтаксическую позицию определения, реализуя тем самым способность согласовываться с именем существительным. Поддерживая позицию И. В. Замятиной, для обозначения совокупности всех возможных синтаксических позиций причастных форм мы предлагаем термин позиционное пространство причастия, который позволит с большей степенью точности описать функционирование причастных форм в грамматической системе русского языка. Мы предполагаем, что именно синтаксическая позиция причастия может акцентировать его «глагольную» или «прилагательную» составляющие.

В своей работе также будем ссылаться на диссертацию Р. Владарскене „Sintaksinių priemonių ypatumai valstybės dokumentų kalboje“ («Особенности синтаксических средств в языке государственных документов», 2004), в которой дано точное определение страдательных конструкций, наличие которых количественно преобладает в нами исследуемом материале. По её словам, «безличные страдательные конструкции можно различать по тому, от каких глаголов образованы страдательные причастия:

- 1) от глаголов, которые не могут быть транзитивны, однако использованы в транзитивном значении;

- 2) от транзитивных глаголов, у которых не может быть прямого объекта» (Vladarskienė, 2004, с. 77).

Большое значение в тексте имеет место глагольных форм в предложении. Порядок слов в страдательных конструкциях зависит от того, что необходимо подчеркнуть. Если хотим подчеркнуть нормативное действие, его выделяющая инфинитивная конструкция следует за страдательным причастием, с которого начинается предложение. Если необходимо с юридической точки зрения подчеркнуть оценку выполнения какого-то действия, предложение начинается с инфинитивной конструкции, а в конце предложения следует форма страдательного причастия среднего рода, обозначающее эту оценку. Такие практические обсуждения мы находим в „Skyrybos stilistika“ («Стилистике пунктуации», 2002) Ю. Абарачичюса и в диссертации Р. Владарскене „Sintaksinių priemonių ypatumai valstybės dokumentų kalboje“ («Особенности синтаксических средств в языке государственных документов», 2004).

Помимо синтаксической позиции, важную роль в проявлении разных сущностей причастия может играть контекст, в котором оно употребляется. Так, например, для страдательных форм, как полных, так и кратких, необычайно важным оказывается замещение / незамещение обязательной позиции творительного падежа со значением агенса – компонента, формирующего и поддерживающего пассивную конструкцию. В свою очередь, употребление/ неупотребление агентивного компонента может зависеть и от семантики причастной формы, и от семантики синтаксической конструкции, в которой она употребляется.

На основе сводки разных постановлений, директив, правовых и финансовых документов В. Жилинскене в своей статье „Žodžių formų vartojimas lietuvių kalbos dalykinio ir publicistinio stilių duomenimis“ («Употребление словоформ по данным делового и публицистического стиля литовского языка», 2001) приводит статистические данные главных частей речи делового стиля и их основных грамматических категорий, по которым мы можем делать вывод о частотности употребления глагольных форм. Согласно её позиции, две трети от общего количества слов юридического текста занимают имена существительные и глаголы.

Одна из исключительных характеристик литовского языка очевидно выделяется в текстах юридического характера – глагольные конструкции. Путём количественного анализа текста мы нашли не только много глагольных абстрактов, но и немало глагольных форм, большинство которых – причастие. Структура русского предложения – именная, однако в юридических документах много глагольных форм, это мы докажем во второй главе нашей работы.

Частое употребление в юридических документах причастий и инфинитива показывает, что в текстах такого рода преобладают безличные предложения. Употребление страдательных причастий в документах государственного уровня предопределено внеязыковыми факторами – обобщённый характер содержания и официальность общения. Свойство страдательного залога – обезличивание действия – особенно необходимо в нормативных документах, в которых не важно действующее лицо, а важно само действие.

1.3. Классификация причастий в русском и литовском языках

В своей работе мы будем исследовать юридические документы и сравнивать употребление причастий в русском и литовском аналогичном по содержанию тексте. Образование литовского причастия, как глагольной формы мы проверим по „Dažninis dabartinės rašomosios lietuvių kalbos žodynas“ («Частотному словарю современного письменного литовского языка», 1998) под редакцией Л. Грумадене и В. Жилинскене и по „Dabartinės lietuvių kalbos gramatika“ («Грамматике современного литовского языка», 2006) под редакцией В. Амбразаса. Причастия русского языка – по толковому словарю «Русский глагол и его причастные формы» (1989).

Морфологическая характеристика русских и литовских причастий совпадает, поэтому для причастий обоих языков мы выделяем три постоянные признаки (действительное или страдательное, вид, время) и четыре непостоянных (полная или краткая форма, род, число и падеж). Причастиям, как и глаголам, от которых они образованы, свойственны переходность / непереходность, возвратность / невозвратность. Общая классификация причастий русского и литовского языков такова:

Причастие — это особая форма глагола со следующими признаками:

- Обозначает признак предмета по действию и отвечает на вопросы *какой? что делающий, что делавший?, что сделавший?*.
- Обладает морфологическими признаками глагола и прилагательного. Ярким морфемным признаком причастий являются суффиксы:
-ущ- (-ющ-), -ащ- (-ящ-), -вш-, -нн-, -ем-, -им-, -енн- для русских причастий и
-ąs, -įs, -ęs, -usi, -iąs, -ianti, -mas, -ma, -tas, -ta, -nas, -na – для литовских причастий.

К признакам глагола относятся:

- вид (совершенный и несовершенный),
- переходность (признак актуален для действительных причастий),
- возвратность,

- время (настоящее и прошедшее (для литовского причастия ещё и будущее)).
- залог (действительный и страдательный).

В школьной грамматике залог рассматривается как признак, свойственный не всем глагольным формам, а только причастным, в то время как в научной грамматике признак залога усматривается у глагола в любой форме (ср.: *рабочие строят дом — дом строится рабочими*) — см. возвратность глагола.

К признакам прилагательного относятся

- род (*летающий, летящая, летящее*),
- число (*прочитанная, прочитанные*),
- падеж (у полных причастий),
- полнота / краткость (*выученный, выучен*) (только у страдательных причастий).

Причастия согласуются с существительными подобно прилагательным и в предложении бывают теми же членами, что и прилагательные, то есть определением именной частью составного именного сказуемого (краткие причастия — только частью сказуемого).

Страдательные причастия прошедшего времени означают свойства предметов, возникающие от бывшего (предшествовавшего) действия. Они чаще всего образуются от переходных, особенно приставочных, глаголов и имеют значение последствия действия (результата).

Действительные причастия настоящего времени не имеют значения ни прошедшего, ни будущего времени, поэтому означают или одновременные действия, происходящие в текущем времени, или постоянные действия.

В текстах русского языка количество причастий и причастных оборотов больше, чем в текстах литовского языка, поэтому в переводе одного текста необходимо соблюдать характерные свойства языка: заменять причастия на формы глагола или прилагательного.

Приведём несколько примеров из юридических текстов русского языка и сравним с адекватным текстом литовского языка. Литовский текст не является переводом, это оригинал уголовного закона Литовской Республики. Но в указанных документах говорится об одном и том же, что позволяет сопоставить употребление причастий в обоих текстах.

*«Преступлением признается виновно **совершенное** общественно опасное деяние, **запрещенное** настоящим Кодексом под угрозой наказания»* (ст. 14 УК РФ Понятие преступления)

совершённое - страдательное причастие совершенного вида прошедшего времени, в полной форме, с существительным «деяние» это причастие согласуется в роде (средний род), числе (единственное число) и падеже (именительный падеж).

запрещённое - страдательное причастие совершенного вида прошедшего времени, в полной форме, с существительным «деяние» согласуется в роде (ср.р.), числе (ед.ч.) и падеже (им.п.).

„Nusikaltimas yra pavojinga ir šiame kodekse **uždrausta** veika (veikimas ar neveikimas), už kurią **numatyta** laisvės atėmimo baudmė“ (LR BK 11 str. Nusikaltimas).

uždrausta - страдательное причастие совершенного вида прошедшего времени, с существительным «деяние» (veika) согласуется в роде (ж.р.), числе (ед.ч.) и падеже (им.п.).

numatyta - страдательное причастие совершенного вида прошедшего времени, с существительным «наказание» (bausmė) согласуется в роде (ж.р.), числе (ед.ч.) и падеже (им.п.).

В этом примере по своему значению и форме использования совпадает только слово *запрещённое* (*uždrausta*). В литовском языке имеется эквивалент к словосочетанию «совершённое деяние» – „įvykdyta veika“, но в данном случае он не используется.

«Лицо, **совершившее** преступление в состоянии опьянения, **вызванном** употреблением алкоголя, наркотических средств или других **одурманивающих** веществ, подлежит уголовной ответственности» (ст. 23 УК РФ. Уголовная ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения)

совершившее – действительное причастие совершенного вида прошедшего времени, с существительным «лицо» согласуется в роде (ср.р.), числе (ед.ч.) и падеже (им.п.).

вызванном - страдательное причастие совершенного вида прошедшего времени, в полной форме, с существительным «состоянии» согласуется в роде (ср.р.), числе (ед.ч.) и падеже (п.п.).

одурманивающих - действительное причастие совершённого вида настоящего времени, с существительным «веществ» согласуется в числе (мн.ч.) и падеже (р.п.).

„Asmuo, kuris nusikalstamą veiką padarė **apsvaigęs** nuo alkoholio, narkotinių, psichotropinių ar kitų psichiką **veikiančių** medžiagų, nuo baudžiamosios atsakomybės **neatleidžiamas**.“ (LR BK 19 str. Asmens atsakomybė už nusikalstamą veiką, padarytą apsvaigus nuo alkoholio, narkotinių, psichotropinių ar kitų psichiką veikiančių medžiagų).

apsvaigęs - действительное причастие совершенного вида прошедшего времени, с существительным «лицо» (asmuo) согласуется в роде (м.р.), числе (ед.ч.) и падеже (им.п.).

Эквивалент этого слова на русском языке – пьяный, но это уже не причастие, в предложении использована форма существительного этого слова, образованного от прилагательного – опьянение.

veikiančių - действительное причастие совершенного вида настоящего времени, с существительным «*вещество*» (*medžiaga*) согласуется в роде (м.р.). числе (мн.ч.) и падеже (р.п.).

neatleidžiamas – страдательное причастие настоящего времени, с существительным «*лицо*» (*asmuo*) согласуется в роде (м.р.). числе (мн.ч.) и падеже (им.п.).

Грамматическая и семантическая природа причастия такова, что его исследование связано со многими общими и частными лингвистическими проблемами. Во-первых, природа причастия показывает, что в одной лексеме могут сосуществовать разнонаправленные грамматические и лексико-грамматические категории. Во-вторых, в причастиях как глагольной форме или самостоятельной лексеме ярко проявляется проблема тождества слова.

Причастие может выполнять функции прилагательного, глагола, существительного, местоимения, даже наречия. Грамматики древнегреческого языка причастие считали совершенно отдельной, самостоятельной частью языка. Только потом, по причине влияния латинского языка, причастие было отнесено к глаголу. Это справедливо, потому что причастия литовского и русского языков в основном образованы от глагольных форм.

Морфологическая структура причастий литовского и русского языков похожи, однако, необходимо помнить об «оттенке» значений отдельных слов в словосочетаниях. Формально тождественные слова в двух языках оказываются разными, и не могут употребляться как эквиваленты.

1.4. Выводы

1. Независимо от позиции в отношении языкового статуса причастия, литовский и русские языковеды сходятся в одном: причастие — языковое образование, совмещающее как признаки глагола, так и признаки прилагательного. В нашем исследовании мы ставим задачу охарактеризовать функциональный и семантический потенциал причастия, а не подтвердить или опровергнуть ту или иную точку зрения по поводу языкового статуса причастия. В большинстве случаев выбранный нами практический материал в русском и литовском языках совпадает. Мы придерживаемся мнения лингвистов, признающих в причастиях наличие глагольных и прилагательных (качественных) свойств.

2. В данной работе, называя ту или иную форму причастием, мы опираемся прежде всего на внешние, морфологические показатели, например, типизированные суффиксы причастия, а также на семантические связи с тем или иным глаголом, хотя эти связи и не были бы ярко выражены в каждом отдельном случае. Таким образом, в поле зрения оказываются и такие формы, которые в ряде лингвистических работ именуется адъективированными причастиями, или отпричастными прилагательными.

3. Энциклопедия русского языка (1997) указывает мнение некоторых исследователей (Лукин, Тихомирова, Баудер), что при анализе причастий более плодотворно узкое рассмотрение их переходности, т.е. использование частных терминов: субстантивация, адъективация, прономинализация, нумерализация, вербализация, адвербиализация, модалация, предикативация, препозитионализация, конъюнкционализация, партикуляция, интеръективация (Резунова, 2009, с. 16). Однако, изучив причастия юридических текстов, основное значение в своей работе мы будем уделять субстантивации, адъективации и предикативации причастий.

4. Мы считаем, что при сопоставлении русских и литовских причастий особое внимание необходимо уделять их позиции в предложении. В языке государственных документов существует, взаимосвязаны и взаимодействуют общие синтаксические средства, поэтому большое значение приобретает изучение специальных и особенных случаев употребления причастий в определённой позиции предложения.

2. ПРИЧАСТИЯ В РУССКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ И ИХ ПЕРЕВОД НА ЛИТОВСКИЙ ЯЗЫК

Вторая глава нашего исследования посвящена анализу особенностей перевода причастий с русского языка на литовский язык. Методом сплошной выборки из 35 юридических документов (см. введение, с. 5) отобрано 280 причастий. Опираясь на основные теоретические положения, приведённые в первой части нашей работы, в данной главе мы будем рассматривать особенности перевода причастий с русского языка на литовский с таких позиций:

- 1) как при переводе юридических документов учитывается соответствия и различия словообразовательной структуры причастий обоих языков;
- 2) как при переводе сохраняется или меняется позиция причастных конструкций в предложениях русского и литовского юридических текстов.

2.1. Учёт словообразовательной структуры при переводе причастий с русского языка на литовский язык

Принадлежность причастия к глаголу проявляется в наличии категории залога, вида и времени. В зависимости от того, какой признак процессуального действия представляет причастие – активное или пассивное – все причастия делятся на действительные и страдательные. Аналогично причастия делятся и в литовском языке: действительное причастие - *veikiamasis dalyvis* и страдательное причастие - *neveikiamasis dalyvis*, и образуются они от разных форм глаголов.

Глаголы в русском и литовском языках относятся к одному из двух видов: к несовершенному виду (*eigos veikslas*) или к совершенному виду (*įvykio veikslas*).

Вид — глагольная категория, показывающая характер протекания действия во времени, выражающая отношение действия к его внутреннему пределу, результату. Категория вида присуща всем глаголам русского и литовского языков в любой форме.

С точки зрения грамматики видом определяется форма глагола, обозначающая отношение действия к объекту. Морфологической категорией вида выражается оппозиция действительных и страдательных причастий как русского, так и литовского языков. Члены оппозиции, причастные формы показывают, является ли обладатель качества активным или пассивным. Причастием выраженное качество мотивировано отношением между внутренним действием (активного или пассивного) и действующим лицом, и этим оно отличается от прилагательных, мотивация качества которых иная.

2.1.1. Перевод полных действительных причастий

Действительные причастия представляют активный процессуальный признак и обозначают, что этот признак возник в результате действия самого носителя признака. Причастия действительного залога образуются от переходных и непереходных глаголов. От глаголов несовершенного вида могут быть образованы причастия настоящего и прошедшего времени, от глаголов совершенного вида – только причастия прошедшего времени.

Необходимо помнить, что русские причастия имеют две формы времени, грамматически выражаемые посредством специальных суффиксов: настоящее и прошедшее время. Литовские же причастия имеют четыре формы времени: настоящее, прошедшее кратное, прошедшее многократное и будущее.

Причастия настоящего времени образуются от основы настоящего времени: формы действительного залога образуются присоединением суффикса –ущ(-ющ-) для глаголов 1-ого спряжения и -ащ(-ящ-) для глаголов 2-ого спряжения. Аналогично образуются причастия литовского языка: от основы 3-его лица настоящего времени и суффиксов –ąs, -įs, -antis, -intis. Сравним морфологическую структуру русских и литовских причастий:

действующее в каждом государстве законодательство

действующее – действительное причастие настоящего времени, образованное от глагола несовершенного вида действую|ет + -ющ- → действующее

kiekvienoje valstybėje galiojantys įstatymai

galiojantys – esamojo laiko veikiamasis dalyvis, padarytas iš veiksmazodžio galioj-(a) + -ant- → galiojantys

Действительные причастия образуются практически от всех глаголов. Исключение составляют безличные глаголы. Действительные причастия имеют только полные формы, изменяющиеся по падежам, числам и родам (в единственном числе), как полные прилагательные (с основами на шипящие), и близки к ним в синтаксическом отношении.

Действительные причастия могут быть переходными и непереходными, возвратными и невозвратными. Частица –ся указывает не только на возвратность глагола, но и на категорию времени причастия.

граждан, переселяющихся в соответствии с их свободным выбором

переселяющиеся – действ. наст. вр. несов. (переселя|ют(+ся) + -ющ- → переселяющие+ся)

piliečių, laisvu pasirinkimu persikeliančių

persikeliantis – esm. 1. veik. d. persikel(-ia) + -iantis → persikeliantis

лица, пользующиеся привилегиями

*asmenys, kurie **naudojasi** privilegijomis*

Все проанализированные нами примеры причастий с возвратной частицей –ся с русского языка на литовский переводятся с сохранением этой частицы, и, соответственно, с сохранением значения возвратности. Лишь в одном примере видно исключение из вышесказанного, когда постфикс –ся при переводе на литовский язык утрачивается, но словосочетание при этом не теряет первоначального смысла:

*распорядиться имуществом, **являющимся** их собственностью*

*tvarkyti jų nuosavybėje **esantį** turtą*

Возвратные действительные причастия могут выражать все значения, присущие постфиксу –ся (кроме связанных с безличностью), в том числе и значение страдательного залога, например:

*развивать **сложившиеся** хозяйственные связи*

*plėtoti **susiklosčiusius** ūkinius ryšius*

Интересный случай выражения возвратности с использованием местоимения себя. Если сравнить причастия «относящиеся» и словосочетание «относящие себя», видна не грамматическая, а смысловая разница. В таком выражении в основном чувствуется действие субъекта, например:

*лица, **относящие себя** к литовскому национальному меньшинству*

*asmenys, **priskiriantys save** vienai iš tautinių mažumų*

Возвратная частица в глагольных формах русского языка имеет постоянное место – в конце слова, а возвратная частица литовского языка (-si-) меняет свою позицию в зависимости от наличия суффикса в глаголе. В нами отобранном материале имеются причастия, которые при переводе теряют формальное словообразовательное сходство, но в них сохраняется значение возвратности.

*положения, **касающиеся** таможенного оформления*

касающиеся – действ. наст. вр. несов. (касают(+ся) + -ющ- → касающие+ся)

*nuostatoms, **susijusioms** su muitų įforminimu*

susijęs – būt. k. I. veik. d. susiej(-o) + ęs → susijęs

Опираясь на точку зрения В. В. Бабайцевой, считавшей причастия «гибридными (синкретичными) словами», т. е. обладающими свойствами и глагола, и прилагательного (Бабайцева, 2000, с. 218) можем утверждать, что суффиксы -ащ- (-ящ-) и –ущ- (-ющ-), которые свойственны и прилагательным, в составе причастий очень усиливают значение «движения», например:

*меры, **ограждающие** права и интересы*

priemonės, apsaugančios teises ir interesus

лица, пользующиеся привилегиями
asmenys, kurie naudojasi privilegijomis

работники учреждения, нанимающие лиц
įstaigos darbuotojai, samdantys asmenis

в порт направляющееся судно
į uostą vykstantis laivas

лица, заключившие договор
sutartį sudarę asmenys

изменениях, влияющих на статус
pakeitimus, darančius įtaką statusui

Необходимо особо отметить причастия, образованные от глаголов, и на литовский язык переводимые в форме причастия, образованного от глагола *быть (būti)*, например:

вопросы собственности, находящейся на территории другой страны
находящееся – действ. наст. вр. несов. (наход|ится +-ящ- → находящееся)

nuosavybės, esančios kitos šalies teritorijoje klausimais
esanti – es. l. veik. d. esti + -ant- → esanti

лица, состоящий в фактических брачных отношениях
asmenys, esantys faktinės santuokos santykiuose

Сравнение результатов анализа морфологической структуры такого типа показывает, что действительное причастие настоящего времени от литовского глагола *būti* образуется не от современной формы третьего лица настоящего времени, а от устаревшей формы *esti*. Это является одним из немногих исключений образования литовских причастий. В целом, по исследуемому нами практическому материалу видно, что большинство причастий русского текста на литовский язык переводится с сохранением их словообразовательной формы и постоянных признаков: залога, времени и вида. Количественный анализ показал, что 91% действительных причастий настоящего времени при переводе не меняет своих постоянных признаков. 2% действительных причастий настоящего времени на литовский язык переводятся как действительные причастия, но

только прошедшего времени. И 7% действительных причастий при переводе с русского языка на литовский вообще переходят в глагол.

Причастия прошедшего времени образуются от основы прошедшего времени глагола (которая у большинства глаголов совпадает с основой инфинитива). Формы действительного залога прошедшего времени образуются присоединением суффикса –вш- к основам на гласный или суффикса –ш- к основам на согласный. Действительным причастия прошедшего времени литовского языка характерны суффиксы –ęs, -usi, например:

*interesy narušeny subjektams, **допустившими** nesankcionuotą reeksportą*

допустившие – действ. пр. вр. сов. (допусти|ли +-вш- → допустившие)

*ūkiniams subjektams, **įvykdžiusiems** nesankcionuotą reeksportą*

įvykdžiusiems – būt. k. l. veik. d. įvykd(ė) + ęs → įvykdęs

Действительные причастия прошедшего времени выражают признак объекта/субъекта и всегда в предложении выполняют роль согласованного определения, например:

*rosų **пропавших** be žinios piliečių paieška*

dingusiųjų be žinios piliečių paieška

*liūdo, **совершившее** преступление*

*nusikaltimą **įvykdęs** asmuo*

Результаты сравнительного анализа действительных причастий прошедшего и настоящего времени, позволяют делать вывод о том, что преобладают последние. Это в каком-то отношении связано с тем, что настоящее время (как глагола, так и причастия) характерно для языка юридических текстов. При помощи настоящего времени указывается, что все действия одинаково важны и имеют конкретное, а также чётко определённое значение.

2.1.2. Перевод полных страдательных причастий

Причастия страдательного залога представляют процессуальный признак как пассивный и означают, что этот признак возник в результате действия другого деятеля над носителем признака.

Причастия страдательного залога образуются только от переходных глаголов: от глаголов несовершенного вида могут быть образованы причастия настоящего и прошедшего времени, от глаголов совершенного вида – только причастия прошедшего

времени. В причастии сохраняется видовое значение того глагола, формой которого оно является.

Формы причастия страдательного залога **настоящего времени** образуются при помощи суффикса -ом-(-ем-) для глаголов 1-ого спряжения и суффикса –им- для глаголов 2-ого спряжения. Аналогично образуются причастия литовского языка: от основы 3-его лица настоящего времени и суффиксов –mas, -ma.

налоги, применяемые в отношении импорта

применяемый – страд. наст. вр. несов. (применя|ют +-ем- → применяемые)

importui taikomi mokesčiai

taikomas – esm. l. neveik. d. taiko + -mas → taikomas

далее *именуемые Сторонами*

именуемый – страд. наст. вр. несов. (имену|ют +-ем- → именуемые)

toliau vadinamos Šalimis

vadinamas – esm. l. neveik. d. vadina + -mas → vadinamas

комисий, создаваемых в соответствии с настоящей статьёй

Komisijų, sudaromų remiantis šiuo straipsniu

процедур, которые необходимы для его вступления в силу

Įvykdė procedūras, kurios būtinos, kad jis įsigaliotų

судно представляемого государства

atstovaujamosios valstybės laivas

Анализ последнего примера показывает, что при переводе упомянутого причастия на литовский язык, образуется местоимённое причастие, подчёркивающее важность и принадлежность объекта. Это не характерно для русского языка. В литовском же языке местоимёнными могут быть и действительные, и страдательные причастия.

Изучив вышеприведённые примеры, делаем вывод, что страдательные конструкции с причастиями настоящего времени используются для обозначения обобщённого, постоянно совершаемого или повторяемого действия. Почти все нами выбранные примеры страдательных причастий прошедшего времени на литовский язык переводятся в аналогичные страдательные причастия прошедшего времени. Кроме одного словосочетания, в котором страдательное причастие *необходимый* в литовском языке переходит в редкую форму долженствования *būtinąs*.

Формы причастия страдательного залога **прошедшего времени** образуются с помощью суффиксов -нн-/-енн-, -т-, в литовском языке для таких причастий характерны суффиксы –tas, -ta. Суффикс –нн- присоединяется к основам прошедшего времени,

оканчивающимся на –а. Суффикс –енн- присоединяется к основам на согласный, где при этом происходит чередование г-ж, к-ч, например:

*реэкспорт товаров, **полученных** по таким контрактам*

полученный – страд. пр. вр. сов. (получ|ат +-енн- → полученный)

*pagal tokias sutartis **gautų** prekių reeksportas*

gautas – būt. I. neveik. d. gau-(ti) + -tas → gautas

*к **указанным** лицам не применяются требования ценза оседлости*

***nurodytiems** asmenims netaikomi sėslumo cenzo reikalavimai*

***неурегулированные** вопросы отношений собственности*

***nesureguliuoti** nuosavybės santykių klausimai*

*лица, **приглашённые, переведённые, направленные, распределённые** на предприятия...*

*asmenys, **pakviesti, perkelti, pasiųsti, nukreipti į įmonės..***

*вопросы сохранения гражданами **приобретаемых** и **приобретённых** прав в области социального обеспечения*

***įgyjamų ir įgytų** socialinio aprūpinimo teisių išsaugojimo klausimai*

Последний пример наглядно иллюстрирует то, что причастия прошедшего времени подчёркивают признак предмета, приобретённый раньше, а причастия настоящего времени – признак, свойственный данному моменту, приобретаемый в настоящем. Всё вышесказанное подтверждает выдвинутое нами положение о том, что словообразовательная структура причастий русского и литовского языка (по крайней мере, в юридических документах) в большинстве случаев совпадает.

Результат сравнительного анализа приведённых примеров позволяет сделать вывод, что в юридических текстах страдательные причастия и их конструкции преобладают над действительными. «Свойство страдательного вида – обезличение действия – особенно необходимо в нормативных документах, в которых нередко внимание сосредотачивается на действие, а действующее лицо – не важно» (Vladarskienė, 2004, с. 66). Причастия литовского языка соответствуют причастиям русского по залогу и времени.

Статистический анализ словообразовательной структуры русских и литовских причастий (действительных и страдательных) наглядно показывает, что при переводе почти всегда сохраняется первоначальный вид причастия.

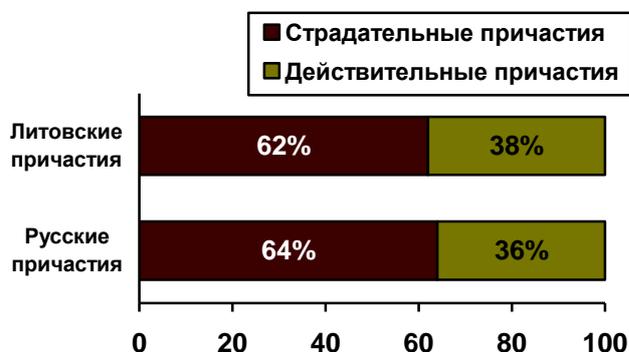

Рис. 1. Соотношение русских и литовских действительных и страдательных причастий (%)

2.1.3. Перевод кратких страдательных причастий

Полные страдательные причастия, подобно полным прилагательным, изменяются по падежам, числам и родам (в единственном числе), имеют аналогичные окончания и употребляются в сходных синтаксических функциях.

Краткие страдательные причастия изменяются по числам и родам (в единственном числе). Здесь необходимо отметить, что краткие причастия в юридических документах встречаются довольно часто. В безличных причастных формах окончание –о потеряло значение среднего рода и стало выражать значение безличности. Безличные предложения в юридических текстах занимают главную часть.

Краткие страдательные причастия настоящего и прошедшего времени в предложении употребляются в качестве определения (атрибута) и с определительным словом согласуются в падеже, числе и роде, например:

*положения договора могут быть **дополнены** или **изменены** в порядке, установленном сторонами.*

*sutarties nuostatos gali būti **papildomos** arba **keičiamos** šalių nustatyta tvarka.*

*государственный флаг может быть **вывешен** и герб **укреплён** на здании*
*valstybinė vėliava gali būti **iškelta** ir herbas **pritvirtintas** ant pastato*

*срок действия **неограничен***

*galiojimo laikas **neribotas***

действие договора будет автоматически продлено
sutarties galiojimas bus savaimė pratęstas

В позиции сказуемого краткое причастие употребляется в конструкциях разных типов (причастие + творительный падеж субъекта действия), однако в нашей работе преобладают краткие причастия с инфинитивом глагола. Здесь необходимо отметить, что конструкции с краткими причастиями при переводе с русского языка на литовский, или наоборот, становятся камнем преткновения потому, что употребляются разные падежные управления. Во всех страдательных конструкциях литовского языка действующее лицо, при необходимости его указания, всегда выражается в родительном падеже, например: *sutartis patvirtinta Šalių parašais*; или требует местного падежа, например: *sąlygos bus nustatytos specialiaime susitarime*. В русских предложениях такого рода субъект и объект действия указывается только в творительном падеже, например: *договор заверен подписями Сторон, условия будут определены специальным соглашением*.

Опираясь на мнение лингвистов (В. М. Дегтярёва, А. И. Исаченко, П.А. Лекант, В. Н. Мигирин, Л. В. Щерба), мы далее будем говорить о причастном предикативе, категориальное значение результирующего состояния которого выражается в личных и безличных формах морфологическими категориями времени, наклонения. Приведём примеры безличных предложений с причастным предикативом.

Безличные причастные предложения, согласно Л. П. Калакуцкой, делятся на два структурно-семантических типа: причастные предложения с инфинитивом: *лицо, которому поручено действовать в этом качестве...* и «собственно причастные»: *составлено в Москве 8 сентября 1992 года*. Соответственно, в литовских предложениях аналогичного содержания причастия занимают ту же позицию: *asmuo, kuriam pavesta vykdyti u sudaryta Maskvoje 1992 metų rugsėjo 8 dieną*.

Необходимо отметить, что в разных синтаксических позициях в кратких причастных формах могут усиливаться значения либо результата, либо действия. Значение действия поддерживается падежными формами. Значение качественного состояния или действия может акцентироваться при употреблении в предложении обстоятельств с разными значениями. Так, обстоятельства меры и степени акцентируют «качественную составляющую» причастной формы, обстоятельства образа действия – значение действия.

Из вышесказанного делаем вывод, что краткие причастия с русского языка на литовский в основном переводятся с сохранением залога и времени, только в нескольких примерах при переводе меняется время причастия. Форма краткого причастия

свойственна только для русского языка. В литовском же языке употребляется «распространённая» - местоимённая форма причастия. Формально это и есть причастие, только выполняющее функции существительного или местоимения.

Статистический анализ показал, что краткие причастия, по сравнению с полными, занимают небольшое место.

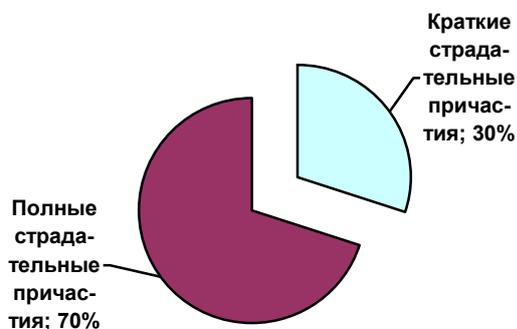

Рис. 2. Количество кратких страдательных причастий

2.1.4. Перевод безэквивалентной лексики

При выполнении перевода правовых документов особое внимание должно уделяться лексической безэквивалентности, так как во всех языках существуют слова и устойчивые словосочетания иностранного языка, не имеющие более или менее полных соответствий в виде лексических единиц. Переводчику очень полезно иметь представление о таких родах явлений. Юридические переводы выполняют преимущественно профессионалы, имеющие образование в области юридического права. «Тексты исходного и целевого языков рассматриваются в абсолютно разных правовых системах, следовательно, в них должны использоваться разные формулировки, характерные для каждого из языков» (Федотова, 2004, 46). Однако при этом эти формулировки должны быть понятны обеим сторонам и нести в себе одинаковый смысл. В результате «переводчику необходимо разбираться не только в юридическом праве своей страны, но и страны - носительницы исходного языка» (Федотова, 2004, 47).

Приведём несколько примеров из проанализированных нами документов, в которых русские причастия при переводе их на литовский язык переходят в другую часть речи или же вообще опускаются. Подобных примеров обнаружено 16. Своеобразно интересен выбор употребления причастия «имеющий». Это слово употребляется в прямом значении, т. е. обладать или располагать чем-либо. При переводе это значение сохраняется, например:

*член представительства, **имеющий** дипломатический ранг*
*atstovybės narys, **turintis** diplomatinį rangą*

С существительным упомянутое слово образует сочетание со значением выполнения какого-либо действия, соответствующего значению этого существительного. При переводе словосочетание превращается в причастие, сохраняющее первоначальное значение двух слов, например:

деятельность лиц, имеющих целью насильственную ликвидацию независимости,
veikti asmenims, siekiantiems prievarta sunaikinti

Встречаются такие словосочетания, в которых причастие употребляется под влиянием устоявшихся, укоренившихся формул, например:

судно, имеющее право идти под флагом представляемого государства
laivas, plaukiojantis su atstovaujamosios valstybės vėliava

Слово «вытекать», от которого образуется причастие «вытекающий», в юридическом документе употребляется тоже не в основном значении (выливаться струёй или капля за каплей), приведённом в толковом словаре (Словарь: Русский глагол и его причастные формы, 1989, с. 86). В нижеперечисленных примерах в составе причастия имеющийся глагол обозначает «брать начало откуда-либо или являться выводом, логическим следствием чего-либо» (Там же, с. 86):

иски, вытекающие из договоров, заключённых консульскими должностными
лицами

ieškiniai dėl konsulinių pareigūnų sudarytų sutarčių

обязательства, вытекающие из законов

pareigos, kylančios iš įstatymų

Осуществляя перевод юридического текста, переводчик намеренно отступает от структурного и смыслового соответствия между двумя сторонами коммуникации в пользу их равноценности в плане воздействия. Так, юридический текст – одна из важнейших жизненных форм выражения права. Юридический документ, иной письменный носитель переводной юридической информации, имеет текстовые особенности, своеобразное языковое выражение. Несмотря на имеющиеся противоречия во взглядах ученых-лингвистов и юристов, большинство едины в том, что всякий текст имеет лексическую, логическую и грамматическую основы, определенным образом организованные с целью передачи информации. Нет сомнения, что юридические тексты в переводе с иностранного языка на язык перевода независимо от их функционального назначения и прагматической роли имеют такие же основы.

Далее приведём несколько примеров, в которых очевидна высокая степень абстракции юридических понятий. Иногда использование таких сложных конструкций

показывает, что они не несут никакой смысловой нагрузки в обычном понимании. При переводе такие словосочетания легко можно заменить одним словом – причастием или глаголом, например:

права и обязанности, вытекающие из состояния в гражданстве данной Стороны.

nustatytas teises ir pareigos, kurių atsiradimas siejamas su šios Šalies pilietybės įgijimu.
открытие канцелярии, составляющей часть существующего консульского учреждения

steigti kanceliariją, kuri yra konsulinės įstaigos dalis

инциденты, имеющие место на борту судна

atsitikimai, kurie įvyko laive

Юридический язык требует при переводе предусмотреть все возможные ситуации. В некоторых случаях очевидно необоснованное употребление громоздких выражений, например:

гражданин, находящийся под арестом – areštuotas pilietis

гражданин, находящийся под стражей или подлежащий суду – asmuo, kuris yra suimtas arba teistinas

2.2. Субстантивированные и адъективированные причастия и их перевод

Субстантивация и адъективация причастий является одним из способов обогащения словарного состава языка, один из видов словообразования. Общее слово для субстантивации и адъективации – транспозиция, означающая перемещение, переход. С лингвистической точки зрения транспозиция – переход слова из одной части речи в другую или использование одной языковой формы в функции другой.

Учебник современного русского языка (Рахманова, 2007) указывает, что в отечественном языкознании о фактах транспозиции в русском языке писали языковеды: Бабайцева, Баудер, Гвоздев, Дьячук, Ким, Лукин, Шигуров, Тихомирова, Яцкевич и др. В настоящее время можно с уверенностью говорить о широком и узком понимании транспозиции.

В более узком понимании транспозиция рассматривается как явление функциональное и определяется как «перевод слова (или основы слова) из одной части речи в другую или его употребление в функции другой части речи» (Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 519).

В настоящей работе интересующее нас явление рассматривается как транспозиция. Вслед за В.В. Бабайцевой мы будем понимать ее как «переход слова (или слов) из одной части речи в другую без изменения звукового и графического состава» (Бабайцева, 1988, с. 7).

В.В. Шигуров пишет по этому поводу: «Процесс переходности охватывает все семантико-грамматические классы слов, но наиболее активно он развивается в именах, наречиях и служебных частях речи. Что касается глагольной системы, то здесь в названный процесс вовлекаются лишь причастия и деепричастия» (Шигуров, 1988, с. 9).

Субстантивация (от лат. substantivum – имя существительное) – переход в класс существительных слов, принадлежащих другим частям речи. (Русский язык. Энциклопедия 1997, с. 544).

Языковая субстантивация находит достаточно полное отражение в толковых словарях русского языка, а также в построенном на их основе «Грамматическом словаре русского языка» А.А. Зализняка (2008).

И. П. Кирсанова в своей диссертации о субстантивированных прилагательных и причастиях следует мнению лингвистов 20 в., работавших над словами, имеющими двойственную частеречную природу, то есть подвергающимися синтаксической транспозиции, и цитирует Е. Куриловича: «...Существуют "анафорические" прилагательные, которые являются настоящими прилагательными с точки зрения их лексического значения, но с синтаксической точки зрения функционируют как существительные; существуют причастия, лексическое значение которых эквивалентно лексическому значению соответствующего личного глагола, но которые с точки зрения их синтаксической функции могли бы рассматриваться как прилагательные и т.д.» (Кирсанова, 2006, с. 22).

На основании сходства грамматических категорий сравнительно легко осуществляется переход прилагательных в существительные, причастий в прилагательные, существительных в местоимения; не имеющих грамматических категорий класс наречий активно обогащается за счет других частей речи; глаголы же, как известно, сильно отличающиеся характером грамматических категорий от других лексико-грамматических классов, не пополняются путем перехода слов из других частей речи.

Существительные и субстантивированные причастия синтаксически во многом тождественны: и те, и другие служат подлежащими в одних случаях и управляемыми

словами в других, присоединяют к себе прилагательные в порядке согласования, например: *консульские служащие konsuliniai tarnautojai*

В живой разговорной речи очень часты случаи опущения существительных или прилагательных и замена их причастиями, где опущенные части речи хорошо известны разговаривающим из обстановки речи. Но подобные случаи, распространенные в языке, как и всякие другие опущения, в силу закона экономии сил, еще не являются субстантивированием или адъективированием в собственном смысле слова. Под субстантивированием и адъективированием надо понимать не случайную, а общепринятую, утвердившуюся в языке (или стоящую на пути к этому) замену существительного или прилагательного. Полный переход причастия в разряд существительных связан с изоляцией этого причастия или по форме, или по его значению от всей основной системы форм соответствующего глагола. На основании всех нами выбранных причастий можем делать вывод, что мы сталкиваемся с частичной субстантивацией и адъективацией причастий.

Проще и легче всего субстантивация и адъективация причастий заметна в синтаксисе. В процессе субстантивации производящее слово обязательно приобретает грамматические категории имени существительного, т.е. категории рода, числа, падежа, меняется их роль в предложении, характер их отношений с другими словами в словосочетании и предложении. Устойчивые причастия выступают в предложении во всех синтаксических функциях, свойственных имени существительному, однако в синтаксическом плане их нельзя считать абсолютно тождественными исконным именам существительным, поскольку обладают рядом специфических черт, отличающих их как от имён существительных, так и друг от друга.

Чаще всего они выполняют в предложении функции подлежащего, дополнения, несогласованного определения, например:

*сотрудничество в спасении **умоляющих** на Балтийском море*

*bendradarbiavimas gelbstint **skęstančiuosius** Baltijos jūroje*

И в русском и в литовском предложениях субстантивированное причастие выступает дополнением.

***осуждённый** – лицо, которое отбывает наказание в виде лишения свободы*

***nuteistasis** – asmuo, atliekantis laisvės atėmimo bausmę*

заведующий** консульским учреждением – konsulinės įstaigos **vedėjas

В этих примерах причастие выполняет роль подлежащего.

Р.Н. Грацианская в своей книге «Синтаксическая система А.М. Пешковского в кратком изложении» анализирует переход глагольных форм в другие части речи.

К «смешению» частей речи (термин А. М. Пешковского) относятся те случаи при словообразовании, когда частные категории, характерные для какой-нибудь части речи, оказываются частично свойственными другой части речи. «Таковы категории вида, залога и времени, являющиеся частными глагольными категориями, но распространяющиеся в той или иной степени на другие части речи, что приводит к выделению внутри этих последних более узких категорий, которые можно назвать смешанными частями речи. К ним в русском языке относятся следующие категории: глагольное существительное, глагольное прилагательное, глагольное наречие и выделенные внутри двух последних еще более узкие категории – причастия и деепричастия» (Грацианская, 2006).

Структура всех соглашений и договоров в нами исследуемом материале одинакова: «*Российская Федерация и Литовская Республика, далее именуемые Сторонами, договорились о нижеследующем....*». Причастие *нижеследующее*, в равной силе как и *вышеперечисленное*, - субстантивированное, обладающее всеми формальными признаками существительного и в предложении выступающее дополнением. При переводе на литовский язык это субстантивированное причастие вообще опускается: (*Šalys susitarė...*). Сравним случай, когда такое причастие выступает с пояснительным словом, тогда мы имеем обыкновенное причастие в препозиции, выполняющее роль определения: *нижеследующие действия не противоречат законам и žemiau išvardinti veiksmai neprieštarauja įstatymams*.

То, что мы сталкиваемся с частичной транспозицией, наглядно показывают примеры, когда в одном тексте, даже в одном предложении слово с аналогичной формой выступает и как «чистое» и как субстантивированное причастие, например:

*информация о местонахождении и состоянии здоровья спасённых лиц или о местонахождении тел **погибших***

suteikiama informacija apie išgelbėtų žmonių buvimo vietą ir sveikatos būklę ar žuvusiųjų kūnų buvimo vietą.

В языковедческих трудах последнего времени практически нет работ, дающих представление о речевой субстантивации как целостном явлении (включая случаи субстантивации причастных форм), но в некоторых трудах содержатся интересные замечания и высказывания по данному вопросу, заслуживающие пристального внимания и изучения.

Энциклопедия русского языка указывает, что «**Адъективация** (от лат. *adjectivum* - прилагательное) причастия - процесс его перехода в прилагательное» (Русский язык. Энциклопедия 1997, с. 16). В лингвистической литературе употребление этого термина

неоднозначно: одни исследователи относят адъективацию к области словообразования и рассматривают всякую адъективированную лексическую единицу как прилагательное; другие относят адъективацию к области полисемии, считая, что конечным результатом адъективации является образование у слова или его формы вторичного, «адъективного» значения. В словарях такие лексические значения причастий имеют помету *в знач. прил.* При адъективации причастие приобретает и смысловые, и грамматические признаки прилагательного. В таком случае причастия (если контекст не подчёркивает их глагольных грамматических свойств) теряют грамматические категории глагола (вид, время, залог, глагольное управление) и употребляются в адъективных значениях: называют одно из свойств, качеств предмета или явления и имеют все грамматические и функциональные черты прилагательного. В адъективных значениях причастие обозначает действие или состояние как признак, свойство в их отвлечении от временной приуроченности.

Единственным источником пополнения имён прилагательных за счёт трансформации являются причастия. Причастия (как мы уже отмечали в теоретической части нашей работы) в определённой пропорции совмещают признаки глагола и имени прилагательного. У прилагательных причастия взяли категориальное значение признака предмета, зависимые (синтаксические, согласовательные) категории рода, числа и падежа, основные синтаксические функции.

Логично предположить, что процесс адъективации должен состоять в потере причастиями глагольных признаков однако, адъективированные причастия не могут быть отнесены к прилагательным, поскольку они обозначают такие свойства или состояния лица или предмета, которые связаны прежде всего с процессом действия или его результатом. Причастия в этих значениях сочетаются с тем же кругом существительных, которыми управляет глагол в личных формах или с существительными, называющими семантический и грамматический субъект действия.

Проблему адъективации затронул литуанист В. Урбутис, в своей работе „Žodžių darybos teorija“ («Теория словообразования», 1978) указавший сам факт частеречного перехода. Адъективация упоминается в некоторых лингвистических трудах литовских языковедов (только как принцип словообразования), однако более подробнее об этом процессе в литовском языке, не говоря уже об адъективации причастий, нам найти не удалось.

вооружённые силы – ginkluotosios pajėgos

общепризнанные принципы и нормы

visuotinai pripažintų principų bei normų

В имена прилагательные чаще всего переходят действительные причастия настоящего времени, например:

обслуживающий персонал – aptarnaujantis personalas

и страдательные причастия прошедшего времени, например:

аргументированный отказ – argumentuotas atsisakymas

Страдательные причастия настоящего времени почти не переходят в прилагательные, так как у них значение глагольности сильнее значения качественности.

Более выраженные признаки прилагательного в причастной форме зависит и от синтаксической позиции, которую она занимает, и от контекста. М.Ф. Лукин называет следующие условия и причины адъективации:

- а) препозицию причастия,
- б) утрату глагольного управления,
- в) изменение первоначального лексического значения

(Лукин, 1973, с. 171).

По отношению к юридическим документам можем сказать, что адъективированные причастия могут быть употреблены в прямом значении или в составе терминов. Следуя классификации М. Лукина можем сделать вывод, что в рассмотренном нами материале все адъективированные причастия находятся в препозиции по отношению к определяемому слову, глагольное управление утрачено или почти стёрто. Первоначальное лексическое значение сохранено во всех проанализированных в работе примерах, что подчёркивает требования точности юридических документов.

Причастие *вооружённый* в выражениях *вооружённый солдат, вооружённые силы* почти уже перешло в простое прилагательное. Это связано с тем, что причастие теряет в этих случаях значение времени, вида, залога, а также свое глагольное управление (сравним: *солдат, вооружённый гранатой*).

При переводе русских адъективированных причастий на литовский язык замечаем, что все они сохраняют форму причастия (действительного или страдательного) и качественное значение прилагательного. Единственный пример причастия *населённый пункт* при переводе превратился в имя существительное – *gyvenvietė*.

Само явление субстантивации и адъективации причастий не является редким, однако в текстах делового стиля такие примеры малочисленны. Это обусловлено одним из основных требований юридического языка – в содержании не должно быть иносказаний. Текст должен быть понятен и ясен не только для носителей языка, на котором составлен документ, но и для всех остальных.

2.3. Синтаксическая позиция причастий и их конструкций при переводе юридических документов на литовский язык

Согласно энциклопедии русского языка (1997) **причастные конструкции** – атрибутивные, предикативные и полупредикативные синтаксические конструкции, образуемые причастиями. Атрибутивные формы глагола совмещают в себе значения двух частей речи: причастия – значения глагола и прилагательного (т. е. значения действия и собственно определительное).

В атрибутивных причастных конструкциях как русского, так и литовского языков употребляются полные причастия – одиночные и распространённые, действительные и страдательные; функция согласованного определения является для них основной, например:

создаваемая комиссия – sudaroma komisija

плавающее судно – plaukiojantis laivas

действующие правила – galiojančios taisyklės

оказываемые услуги – teikiamos paslaugos

Причастные конструкции могут обособляться, таким образом приближаясь к придаточному предложению, например:

*требуется соблюдение законов и правил, **регулирующих** расположение и конструкцию зданий*

*reikalauja laikytis įstatymų ir taisyklių, **nustatančių** pastatų vietą bei konstrukciją*

Причастные конструкции являются атрибутом книжной – не разговорной – речи. Они обеспечивают компрессию, компактность, лаконичность контекста, амортизируют его загруженность, что диктуется языковым законом экономии, нередко устраняют неоправданный повтор союзного слова или двузначность, связанную с возможным различным его соотнесением, препятствуют смещению предикативного фокуса высказывания.

Причастный оборот – «причастная конструкция, традиционно определяемая как причастие с зависимым словом, употреблённое в составе предложения. В академической грамматике причастный оборот определяется как полупредикативный обособленный оборот с главным членом – полным причастием» (Русский язык. Энциклопедия 1997, с. 385). При каждой полной причастной форме отмечаются три типа причастных конструкций: причастный оборот может стоять перед определяемым словом (быть в препозиции), после определяемого слова (быть в постпозиции) и причастие без пояснительных слов перед определяемым словом (одиночная препозиция).

Если препозитивные причастные обороты имеют полупредикативное значение, они обособляются. При этом причастие, формально завися от подлежащего, семантически начинает зависеть и от сказуемого. В литовском языке значение причастий аналогично, и причастные обороты после определяемого слова всегда обособляются.

Наряду с определительным значением, обособленные причастные обороты могут выражать и добавочное обстоятельственное значение причины, времени, уступки, например:

*правовой режим государственной собственности регулируется законодательством, если иное **не предусмотрено** отдельными соглашениями*
*valstybinės nuosavybės teisinį režimą reguliuoja įstatymai, jeigu kitko **nenumatyta***
atskiruose susitarimuose

*...если не имеется определённо **выраженного** возражения со стороны государства пребывания*

*jei tam **neprieštarauja** buvimo valstybė*

В предикативных причастных конструкциях выступают краткие страдательные причастия прошедшего времени в сочетании с различными формами глагола **быть**, включая и его нулевую форму: *будет допущен, может быть объявлено.*

*действие настоящего договора будет автоматически **продлено** на тот же срок*
*sutarties galiojimas bus savaimė **pratęstas** tokiam pačiam laikotarpiui.*

*за исключением случаев, когда судно и его груз **оставлены** в этом государстве в ожидании уплаты пошлины*

*išskyrus atvejus, kada laivas ir jo kroviny **palikti** toje valstybėje tam, kad sumokėtų rinkliavas*

*имущество **было приобретено** – turtas buvo įgytas*

*вывоз товара **был запрещён** – prekių išvežimas buvo uždraustas.*

Здесь отметим, что причастные конструкции с глаголом **быть** всегда при переводе сохраняют этот глагол или его нулевое значение.

Можно заметить, что в текстах официальных документов причастные конструкции являются главным членом безличного предложения, в котором краткое причастие (с глаголом **быть**) имеет фиксированную форму среднего рода. Такие пассивные конструкции характерны юридическим текстам, в которых подлежащее совмещает значение объекта действия и субъекта состояния, являющегося результатом этого действия, и соответствует прямому дополнению активной конструкции, например:

*сторонами **подписано** соглашение и стороны **подписали** соглашение.*

Безличные предложения отличаются особым разнообразием, в юридических документах они выделяются канцелярской окраской. Такими предложениями подчёркивается важность исключительно завершённого действия. Такой принцип изложения информации часто выражает различные оттенки долженствования и необходимости:

до назначения главы консульского учреждения, представляемым государством должно быть получено согласие государства пребывания.

prieš paskiriant konsulinės įstaigos vadovą atstovaujamoji valstybė turi gauti buvimo valstybės sutikimą.

такой отказ всегда должен быть определённо выраженным и о нём должно быть сообщено государству пребывания.

toks atsisakymas turi būti aiškiai išreikštas ir apie jį turi būti pranešta buvimo valstybei.

консульские помещения не должны пользоваться в целях, не совместимых с выполнением консульских функций

konsulinės patalpos neturi būti naudojami tikslams, nesuderinamiems su konsulinių funkcijų vykdymu.

В других стилях (художественном, публицистическом) безличные предложения легко можно заменить другими конструкциями. Но говоря о деловом стиле, необходимо руководствоваться мыслью Д. Э. Розенталя, что «личные конструкции содержат элемент активности, проявления воли действующего лица, уверенности в совершении действия, тогда как безличным оборотам присущ оттенок пассивности, инертности» (Розенталь, 1987, с. 223).

2.3.1. Препозиция причастных форм и их перевод на литовский язык

В сложных предложениях возможна синонимия причастных оборотов и придаточных определительных частей. В большинстве случаев для делового стиля предпочтителен причастный оборот. Необходимо заметить, что препозитивный причастный оборот наименее выразителен, он подчёркивает значение субъекта действия, а не само действие. «Промежуточное положение причастий между глаголом и именем особо усложняет их синтаксис, тем самым помогает лучше понять взаимоотношение между основными грамматическими классами слов и ими обоснованными типами вербального и номинального предложения» (Ambrazas, 1979, с. 5). Для точного понимания

значения причастной конструкции необходимо усвоить основные положения её употребления в той или иной конструкции.

Синтаксическая позиция страдательного причастия: постпозитивный и препозитивный причастный оборот, в рамках которого причастие реализует глагольную валентность и одновременно занимает зависимую синтаксическую позицию; согласованное препозитивное необособленное определение, обособленное определение, сказуемое.

В роли препозитивного определения выступающее причастие осложняет предложение (хотя и не так сильно, как в постпозиции) и выражает значение действия. Причастные конструкции «определяемое слово + страдательное причастие» обозначают признак конкретного предмета, например:

*в соответствии с **общепризнанными** нормами международного права
pagal visuotinai pripažintas tarptautinės teisės normas*

*совместно с другими членами той же группы или официально
зарегистрированной общиной,
kartu su kaitais tos pačios grupės arba oficialiai užregistruotos bendruomenės nariais.*

*установлению **согласованного** статуса
dėl suderinto statuso*

*за исключением **сданного** жилья
išskyrus perduotą gyvenamąją patalpą*

*вопросы сохранения гражданами **приобретаемых** и **приобретённых** прав в
области социального обеспечения **будут урегулированы** соглашениями Сторон
įgyjamų ir įgytų socialinio aprūpinimo teisių išsaugojimo klausimai bus šalių susitarimu
suderinti*

Действительное причастие в препозиции сохраняет большую морфологическую и лексическую связь с глаголом. Процессуальное или качественное значение причастной формы зависит от лексического и грамматического значения основы исходного глагола и от условий контекста. Нами выбранные примеры русских и литовских действительных причастий в позиции препозитивного определения в большинстве случаев обозначают признак предмета, например:

Стороны, признавая **нерушимость существующей** границы
*Šalys, pripažindamos **esamų sienų neliečiamybę***

совместно создавать **соответствующие** комиссии
*kartu sudarinėti **atitinkamas komisijas***

принадлежащие переселяющимся гражданам предметы, **предназначенные** для их личного пользования.

persikeliantiems piliečiams priklausantys asmeniniai daiktai, įskaitant reikmenis, skirtus jų įsikūrimui

В юридических документах по причине их безличности чаще всего употребляются причастные формы, в которых в большей степени акцентировано значение признака, а значение действия отодвинуто на второй план. Такая причастная форма выражает значение качественного, а не процессуального признака, и это приближает их к прилагательным:

*сторона признаёт **неотъемлемое** право на...*
*pripažįsta kitos šalies **neatimamą teisę** į...*

к **указанным** лицам не применяются требования ценза оседлости
nurodytiems asmenims netaikomi sėslumo cenzo reikalavimai

Стороны будут регулировать **возникающие** в данной области вопросы в соответствии с **общепризнанными** принципами

*Šalys šioje srityje **kylančius klausimus reguliuos pagal visuotinai pripažintus principus***

неурегулированные вопросы отношений собственности, находящейся на территориях стран, будут разрешаться

nesureguliuotus šalių teritorijose esančios nuosavybės santykių klausimus spręs

развивать **сложившиеся** хозяйственные связи

*patvirtina siekimą išlaikyti ir plėtoti **susiklosčiusius ūkinius ryšius***

для **последующего** урегулирования вопросов

*dėl persikėlimo klausimų **paskesnio reguliavimo***

В препозиции употребляемые причастные обороты в официальных текстах встречаются реже потому, что в длинных информационно-нагруженных предложениях связь причастного оборота может потеряться, а юридические тексты не терпят двусмысленности. Такое построение предложений не только предельно ясно выражает формулировку, «но и служит достижению единообразия в изложении, что приводит к строгой стандартизации языковых средств, характерной для подобных жанров официально-делового стиля» (Голуб, 1989, с. 171).

Необходимо отметить, что в юридическом тексте, который является образцом точной недвусмысленной письменной речи, причастный оборот имеет строго отведённую позицию в образовании сложных предложений. Здесь неуместно присоединение причастных оборотов союзами к определяемому слову (такое возможно в художественном, иногда в публицистическом стиле). В юридических текстах строго соблюдается составление предложений по конструкции: определяемое + несогласованное определение. Только в устной речи говорящий для выражения наиболее существенной для него в данный момент информации ставит причастный оборот, выражающий эту информацию, рядом с существительным, вместо другого определения.

Из приведённых примеров можем сделать вывод, что в препозиции в одинаковом количестве выступают как действительные, так и страдательные причастия. Употребляемые в юридических документах конструкции страдательного залога содержат причастия настоящего и прошедшего, чаще – настоящего времён.

2.3.2. Постпозиция причастных форм и их перевод на литовский язык

Необходимо отметить значение причастия в постпозиции, когда подлежащим в предложении выступает существительное. Обычно причастие обозначает признак, постоянно присущий субъекту или характеризующий субъект в момент проявления признака, названного в сказуемом. Причастие может также обозначать признак, предшествующий признаку, названному сказуемым, или следующий за таким признаком:

*документы, **выданные** в соответствии с законодательством Литовской Республики и легализованные в установленном порядке на её территории, признаются на территории РСФСР.*

*dokumentai, **išduoti** pagal Lietuvos Respublikos įstatymus ir nustatyta tvarka **legalizuoti** jos teritorijoje, pripažįstami RTFSR teritorijoje.*

обеспечивать передачу газа, **поставляемого** для нужд Калининградской области, по газопроводу, **проходящему** по территории Литовской Республики
*užtikrinti, kad Lietuvos Respublikos teritorijoje **nutiestu** dujotiekiu Kaliningrado sričiai būtų **tiekiamos** gamtinės dujos*

переводить денежные вклады и активы, **размещённые** в банковских учреждениях ЛР, в банковские учреждения РСФСР
*pervesti LR bankų įstaigose **esančius** piniginius indėlius ir aktyvus į RTFSR bankų įstaigas*

Из проанализированного нами материала видно, что чаще всего употребляются конструкции с объектом, который определяется постпозитивным причастным оборотом. Такими предложениями обычно указываются общие положения, принимаемые как бесспорные и уточнению не подлежащие вещи. Порядок слов в таких предложениях нейтрален – за подлежащим следует причастным оборотом подчёркиваемое сказуемое.

*в соответствии со статусом, **установленным** основополагающими актами pagal statusą, **įtvirtintą** pamatiniuose aktuose*

*будут урегулированы вопросы миграции, **связанной** с трудоустройством. Bus suderinti migracijos klausimai, **susiję** su įdarbinimu*

*комиссий, **создаваемых** в соответствии с настоящей статьёй komisijų, **sudaromų** remiantis šiuo straipsniu,*

*на электростанциях, **расположенных** на территории Литовской Республики elektrinėse, **esančiose** Lietuvos Respublikos teritorijoje*

*при подготовке всех документов, **принимаемых** в соответствии visus dokumentus, kurie priimami remiantis šiuo susitarimu*

*процедур, которые **необходимы** для его вступления в силу procedūras, kurios **būtinios**, kad jis įsigaliotų*

*лица, **переведённые** на предприятия г. Мажейкяй asmenys, **perkelti** dirbti į Mažeikių m. įmones*

лица, **направленные** на работу на предприятия г. Мажейкяй в порядке **организованного** набора

*asmenys, pasiūsti dirbti Mažeikių m. įmones **organizuoto** telkimo tvarka*

граждан, **уволенных** с предприятий и не **восстановленных** в судебном порядке на **прежнее место работы**

*piliečiams, **atleistiems iš darbo ir teismo sprendimu negrąžintiems** į buvusią darbo vietą*

культурные ценности, **признаваемые** в соответствии с законодательством Литовской Республики, её национальным достоянием;

*kultūros vertybės, pagal Lietuvos Respublikos įstatymus **pripažįstamos** nacionaliniu turtu;*

Как видим из вышеприведённых примеров, позиция причастной конструкции в русском и литовском языках совпадает. Только небольшая часть страдательных причастий при переводе с русского языка на литовский перешло из постпозиции в препозицию:

в порядке, **предусмотренном** законодательством

*įstatymų **nustatyta** tvarka įsigyti*

principов, **сформулированных** в настоящем договоре

*remsis šioje sutartyje **suformuluotais** principais*

выпускники высших учебных заведений, **распределённые** на предприятия г. Мажейкяй

***nukreipti** į Mažeikių m. įmones aukštujų mokyklų auklėtiniai*

Следует отметить, что имеются примеры, наглядно показывающие инвариантность позиции причастий и причастных конструкций в предложении:

распорядиться имуществом, **являющимся** их собственностью и вывезти **полученные** денежные средства

*tvarkyti jų nuosavybėje **esantį** turtą ir išsivežti **gautas** pinigines lėšas*

Причастные формы в позиции обособленного определения в большинстве случаев как в русском, так и в литовском языке имеют значение постоянного признака или свойства, например:

сотрудничество регламентируется договорами и соглашениями, **предусматривающими** режим наибольшего благоприятствования
bendradarbiavimą reglamentuoja sutartys ir susitarimai, numatantys didžiausio palankumo režimą

вопросы, **затрагивающие** интересы Сторон
klausimai, susiję su šalių interesais

деятельность лиц, **имеющих целью** насильственную ликвидацию независимости,
veikti asmenims, siekiantiems prievarta sunaikinti nepriklausomybę

программы, **предусматривающие** меры по охране
programas, numatančias priemones dėl... apsaugos

нормативными актами, **действующими** в Калининградской области
normatyviniais aktais, veikiančiais Kaliningrado srityje

права и обязанности, **вытекающие** из состояния в гражданстве данной Стороны
nustatytas teises ir pareigas, kurių atsiradimas siejamas su šios Šalies pilietybės įgijimu

лицам, **имеющим** право на данной гражданство, временно **находящимся** на её территории,
teisę į šią pilietybę turintiems asmenims, laikinai esantiems jos teritorijoje

определяют порядок переселения граждан, **переселяющихся** в соответствии с их свободным выбором
nustatys piliečių, laisvu pasirinkimu persikeliančių į kitą teritoriją, persikėlimo tvarką.

лиц, **относящих** себя к литовскому национальному меньшинству, этнически связанному с каким-либо народом, **проживающим** на территории РСФСР
priskiriančių save vienai iš tautinių mažumų, etniškai susijusių su RTFSR teritorijoje gyvenančia tauta

каждая из сторон оставляет за собой право заключать соглашения в области транспорта, **не затрагивающие** интересы другой стороны

kiekviena iš šalių pasilieka sau teisę sudaryti sutartis transporto srityje, jei jos nelies kitos šalies interesų.

лица, состоящий в фактических брачных отношениях
asmenys, esantys faktinės santuokos santykiuose

Разновидность предложений с причастным сказуемым – одиночное действительное причастие. Такие конструкции в текстах другого стиля (художественного или публицистического) могут быть легко заменены личными глагольными формами, например:

данный перечень не является исчерпывающим
šis sąrašas nėra išsamus

В рамках каждой синтаксической позиции причастной формы выделяются структурно-семантические разряды конструкций с причастием, основой классификации которых послужило лексическое значение определяемого слова и общее значение контекста. Причастные обороты в большинстве случаев выражают признак предмета по конкретному физическому или абстрактному действию:

Стороны, признавая нерушимость существующей границы между Российской Федерацией и Литовской Республикой
Šalys, pripažindamos esamų sienų tarp Lietuvos Respublikos ir Rusijos Federacijos neliečiamybę

государство пребывания, отказывающееся выдать экзекватуру
valstybė, atsisakanti išduoti egzekvatūrą

Причастие в позиции согласованного обособленного определения может употребляться как перед определяемым словом, так и после него. В русских юридических текстах чаще встречаются причастные обороты в постпозиции, в большинстве случаев свою позицию сохраняющие и в литовском языке.

«член экипажа» - капитан и любое другое лицо, выполняющее во время рейса на борту судна обязанности, связанные с эксплуатацией судна или обслуживанием на нём, и включённое в судовую роль в соответствии с предписаниями государства.

„įgulos narys“ – kapitonas ir bet kuris kitas asmuo, reiso metu laive *einantis* pareigas, *susijusias* su laivo eksploatavimu arba jo aptarnavimu, ir *įrašytas* į laivo įgulos sąrašą pagal valstybės taisykles.

Обособление причастного оборота зависит не только от его места в предложении по отношению к подчиняющему существительному, но и от степени информативной нагруженности самого оборота, его функции в предложении. Если причастный оборот стоит после определяемого слова, он всегда обособляется, выделяется запятыми. Если причастие с зависимым словом (зависимыми словами) стоит перед определяемым словом и имеет определительное значение, оно не обособляется. Необособленное препозитивное причастие имеет определительное значение; обособляясь в такой позиции, причастие приобретает полупредикативность.

договаривающиеся Стороны в соответствии с действующим на территории своих государств законодательством будут оказывать необходимое содействие судоходным и другим связанным с судоходством организациям государства...

susitariančios Šalys, vadovaudamosi savo valstybių teritorijoje galiojančiais teisės aktais, gali padėti vienos valstybės laivininkystės ir kitoms su laivyba susijusioms organizacijoms...

Из вышеперечисленных примеров следует, что причастия в постпозиции употребляются чаще чем в препозиции (см. Рис. 3). Некоторые примеры не соответствуют требованиям современного нормативного языка (как русского, так и литовского). Р. Владарскене в своей книге «Особенности синтаксических средств в языке государственных документов» указывает на такие особенности.

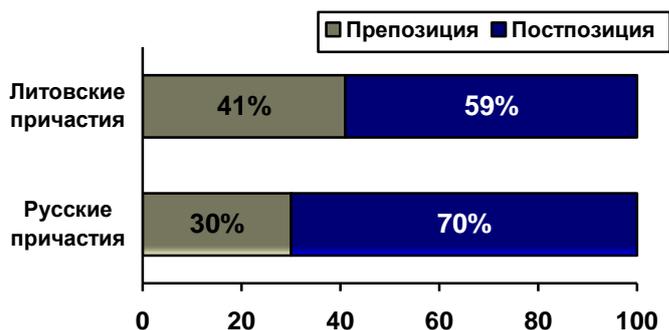

Рис. 3. Соотношение русских и литовских причастий с точки зрения места в препозиции/постпозиции (%)

Исследуемые нами примеры в большинстве случаев совпадают с указанными Р. Владарскене позициями причастий и причастных конструкций. Несовпадения же обусловлены стремлением переводчика сохранить текст оригинала. Поэтому все

рассмотренные нами предложения имеют одинаковую синтаксическую структуру, в которую причастие вводится по типу прилагательного.

2.4. Выводы

1. Результаты сравнительного анализа показали, что причастия страдательного залога и в русском, и в литовском языках преобладают над причастиями действительного залога. Причастия прошедшего времени подчёркивают признак предмета, приобретённый раньше, а причастия настоящего времени – признак, свойственный данному моменту, приобретаемый в настоящем. При помощи настоящего времени указывается, что все действия одинаково важны и имеют конкретное, а также чётко определённое значение. Проанализировав значения причастий установили, что причастия страдательного залога в обоих языках представляют процессуальный признак как пассивный и означают, что этот признак возник в результате действия другого деятеля над носителем признака.

2. Причастия русского языка имеют две формы времени (настоящее и прошедшее), грамматически выражаемые посредством специальных суффиксов. Причастия литовского языка имеют четыре формы времени: настоящее, прошедшее кратное, прошедшее многократное и будущее. Однако при переводе на литовский язык юридических текстов причастий будущего и прошлого многократного времени (которые свойственны устной речи) нами обнаружено не было.

3. Все проанализированные нами примеры причастий с возвратной частицей –ся с русского языка на литовский переводятся с сохранением этой частицы, и, соответственно, с сохранением значения возвратности. Лишь в одном примере видно исключение из вышесказанного, когда постфикс –ся при переводе на литовский язык утрачивается.

4. В проанализированных документах было обнаружено несколько примеров (всего выбрано 16), в которых русские причастия при переводе их на литовский язык переходят в другую часть речи или же вообще опускаются. К редким случаям (при переводе юридических документов) отнесены субстантивированные и адъективированные причастия, которые при переводе на литовский язык сохраняют явление транспозиции.

5. В литовском языке имеется особая форма страдательных причастий – причастия долженствования (К. Мустейкис их называет «причастиями необходимости»). Значение такого причастия в русском языке передаётся при помощи слов *необходимо*, *должно* и инфинитива. В изученном нами материале мы нашли лишь один пример, представляющий перевод русского страдательного причастия в литовское причастие долженствования.

6. Синтаксический анализ причастных конструкций показал, что причастия в постпозиции употребляются чаще, чем в препозиции. Выбранные нами примеры в большинстве случаев совпадают с указанными Р. Владарскене позициями причастий и причастных конструкций. Несовпадения же обусловлены стремлением переводчика сохранить текст оригинала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав историческое развитие причастий русского и литовского языков, мы в своей работе остановились на позиции лингвистов, утверждавших, что причастие – часть глагольной системы, имеющая признаки прилагательного. Руководствуясь этим положением, мы охарактеризовали функциональный и семантический потенциал русских причастий и их возможную трансформацию при переводе на литовский язык.

Результаты сравнительного анализа юридических документов показали, что и в русском, и в литовском языках страдательные причастия и их конструкции преобладают над действительными (разница между количеством русских и литовских страдательных причастий – 2 процента).

Употребление страдательных причастий в подобных документах предопределено внеязыковыми факторами (обобщённый характер содержания и официальность общения). Свойство страдательного залога – обезличивание действия – особенно характерно для нормативных документов, в которых главным является не действующее лицо, а само действие. Страдательный залог чаще всего используется в юридических текстах и в описательной научной литературе. Чем абстрактнее мысль, тем чаще употребляется страдательный залог.

Анализ результатов исследования показал, что страдательное причастие прошедшего времени часто используется в качестве определения (атрибута). В таком случае страдательное причастие прошедшего, как и настоящего, времени употребляется как прилагательное и с определяемым словом согласуется в падеже, числе и роде.

Отмечены случаи перевода русских страдательных причастий в местоимённые страдательные причастия литовского языка. Местоимённая форма причастия характерна только литовскому языку. Она употребляется в таких случаях, когда необходимо подчеркнуть особую принадлежность предмета (или при переводе некоторых кратких причастий). Проанализированные примеры наглядно показали, что из всех причастий наиболее подвержены адъективации страдательные причастия прошедшего времени на – нный.

Словообразовательный анализ русских и литовских причастий позволил нам обратить внимание на примеры с постфиксом –ся. Необходимо отметить, что ошибки встречаются не только при переводе, но и при употреблении такого рода причастных форм. Вместо страдательного причастия иногда употребляется действительное причастие с постфиксом –ся. Использование возвратной формы действительного причастия для выражения значения страдательного залога возможно только тогда, когда страдательное

причастие не образуется. Замена страдательного причастия действительным, образованным от возвратного глагола, может изменить смысл и значение самих глагольных форм. Тогда неизбежно появляется двусмысленность, что в юридических документах крайне недопустимо.

Приведёнными примерами и иллюстрированными схемами (Рис. 1-3) доказали выдвинутое нами положение о том, что словообразовательная структура причастий русского и литовского языка (при переводе юридических документов) в большинстве случаев совпадает.

Примеры продемонстрировали, что причастие «сжимает» информацию, избегая необходимости составления сложных союзных предложений, следовательно, по этой причине причастие широко используется в деловом стиле.

Исследование также позволило убедиться в том, что употребление причастий требует особого внимания, так как довольно часто бывают случаи отклонения от нормы образования и использования этих отглагольных форм.

В нашей работе рассмотрена и отличительная черта делового стиля - употребление сложных предложений, которые образуются при помощи причастных оборотов (в литовском языке ещё называемых причастными предложениями). Большинство выбранных нами примеров причастных конструкций выполняют определительную функцию. Остальные же выражают причинно-следственные, условные, временные и другие отношения. Необходимо подчеркнуть, что все причастия и их конструкции при переводе на литовский язык сохраняют первоначальное значение.

В заключение следует отметить, что «жёсткая» структура юридического текста сводит к нулю переводческий выбор. Вариантность выбора минимальна при переводе устойчивых формул, в состав которых входят причастия. На основании результатов нашей работы и в особенности проведённого анализа можем утверждать, что русский текст переводится на литовский язык с соблюдением эквивалентности не только самого текста, но и его лексических единиц.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Амбразас В. (1990). *Сравнительный синтаксис причастий балтийских языков*. Вильнюс: Мокслас.
2. Бабайцева В. В., Николина Н. А., Чеснокова Л. Д. (2008). *Современный русский язык: ч. 2*. Москва: Академия.
3. Виноградов В. В. (1978). *История русских лингвистических учений*. Москва: Высшая школа.
4. Виноградов В. В. (1958). *Из истории изучения русского синтаксиса*. Доступ к Интернету: <<http://danefae.org/lib/vvv/synt/>>
5. Голев Н.Д. (2007). *Взаимодействие естественного и юридического языка как базовая проблема юрлингвистики*. Доступ к Интернету:<<http://siberia-expert.com/publ/3-1-0-15>>.
6. Голуб И. Б. (1989). *Грамматическая стилистика современного русского языка*. Москва: Высшая школа.
7. Грацианская Р. Н. (2007). *Синтаксическая система А.М. Пешковского в кратком изложении*. Доступ к Интернету: <<http://rus.1september.ru/2007/19/33.htm>> .
8. Гудавичюс А. (1985). *Сопоставительная семасиология литовского и русского языков*. Вильнюс: Мокслас.
9. Зализняк А. А. (2008). *Грамматический словарь русского языка. Словоизменение*. Москва: АСТ-ПРЕСС.
10. Замятина И. В. (2010). *Грамматика русского причастия*. Доступ к Интернету: <http://dibase.ru/article/11012010_zamyatinaiv/7>.
11. Калакуцкая Л. П. (1971). *Адъективация причастий в современном русском литературном языке*. Москва: Просвещение.
12. Калакуцкая Л. П. (Ред.) (1986). *Орфографический словарь русского языка*. Москва, Русский язык.
13. Караулов Ю. Н. (Ред.) (1997). *Русский язык. Энциклопедия*. Москва: Большая Российская энциклопедия.
14. Карпенко Е. Ю. (2001). *Функционально-семантический потенциал полного причастия в современном русском языке*. Доступ к Интернету: <<http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/92916.html>>.
15. Кожина М. Н. (1993). *Стилистика русского языка*. Москва: Просвещение.
16. Красивова А. *Деловой русский язык: Учебно-практическое пособие*. Доступ к Интернету: <http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/krasiv/03.php>

17. Лекант П. А. (Ред.) (1988). *Современный русский литературный язык: учебник для студентов филологических специальностей педагогических институтов*. Москва: Высшая школа.
18. Лукин М.Ф. (1973). *Морфология современного русского языка*. Москва: Просвещение.
19. Мустейкис К. (1972). *Сопоставительная морфология русского и литовского языков*. Вильнюс: Минтис.
20. Рахманин Л. В. (1995). *Документы и делопроизводство*. Москва: Высшая школа.
21. Рахманин Л.В. (1998). *Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов: Учебное пособие*. Москва: Высшая школа.
22. Рахманова Л. И. (2007). *Современный русский язык: лексика, фразеология, морфология*. Москва: Аспект-Пресс.
23. Резунова М. В. (2009). *Переходимость и синкретизм причастий в лексикографическом и художественном дискурсе в русском, английском и немецком языках*. Доступ к Интернету: <http://www.nauka-shop.com/mod/shop/productID/17453/>.
24. Розенталь Д. Э. (1987). *Практическая стилистика русского языка*. Москва: Высшая школа.
25. *Русская грамматика*. Подготовлено Институтом русского языка при Академии наук СССР. Доступ к Интернету: <http://rusgram.narod.ru/2100-2127.html>
26. *Русский глагол и его причастные формы. Толково-грамматический словарь* (1989). Москва: Русский язык.
27. Суперанская А., Подольская Н. (1989). *Общая терминология: Вопросы теории*. Москва: Наука.
28. Федотова И. (2004). *Коммерция и право: Англо-русские соответствия, корреспонденция и документация*. Москва: МГИМО.
29. Швейцер А.Д. (2009). *Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
30. Ярцева В. Н. (Ред.) (1990). *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия.
31. *Международные документы*. Доступ к Интернету: <http://www.government.ru/documents>.
32. *Россия в системе международных отношений*. Доступ к Интернету: <http://www.mid.ru>.

33. *Соглашения о сотрудничестве.* Доступ к Интернету: <http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_42830.html>.
34. Abaravičius J. (2002). *Skyrybos stilistika.* Kaunas: Spindulys.
35. Ambrazas V. (1979). *Lietuvių kalbos dalyvių istorinė sintaksė.* Vilnius: Mokslas.
36. Ambrazas V. (Red.) (1996). *Dabartinės lietuvių kalbos gramatika.* Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla.
37. Ambrazas V. (Red.) (2006). *Dabartinės lietuvių kalbos gramatika.* Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.
38. Bobrova L., Kazlauskienė A., Lukavičienė V. ir kt. (2008). *Kursinių ir baigiamųjų (bakaluro, magistro, specialiųjų profesinių studijų) darbų rengimo ir gynimo metodinės rekomendacijos.* Šiauliai: VšĮ Šiaulių universiteto leidykla.
39. Brazauskienė J., Miškinienė I. (2007). Neasmenuojamosios veiksmažodžių formos – vertimo rifai. *Kalbotyra*, 57(3), c. 40-45.
40. Girčienė J. (2005). *Naujųjų skolinių atitikmenys: struktūra ir vartoseną.* Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.
41. Grumadienė L., Žilinskienė V. (1998). *Dažninis dabartinės rašomosios lietuvių kalbos žodynas.* Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.
42. Gudavičius A. (2007). *Gretinamoji semantika.* Šiauliai: VšĮ Šiaulių universiteto leidykla.
43. Kazlauskas J., Laigonaitė A., Urbutis V. (1961). *Dabartinė lietuvių kalba: straipsnių rinkinys.* Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla.
44. Klimas A. (1993). *Lietuvių kalbos dalyvių vartoseną.* Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla.
45. Klimas A. (2001). *Kalbos puošmenos ir pabiros.* Vilnius: Petro ofsetas.
46. Knabikaitė V. (2006). *Lingvistinės lietuvių stilistikos raida XX amžiuje.* Vilnius: Mintis.
47. Navickienė G. (2005). *Vertimo teorija ir praktika.* Kaunas: Kauno kolegijos leidybos centras.
48. Nepokupnas A. (1983). *Baltai slavų giminaičiai.* Vilnius: Mokslas.
49. Paulauskienė A. (1979). *Gramatinės lietuvių kalbos veiksmažodžio kategorijos.* Vilnius: Mokslas.
50. Sližienė N. (1974). *Sudurtinių neveikiamųjų veiksmažodžio formų reikšmės ir vartojimas, Lietuvių kalbotyros klausimai 15, c. 77-89.*
51. Tekorienė D. (1973). *Lietuvių kalbos padalyvio ir pusdalyvio atitikmenys anglų kalboje.* Vilnius.
52. Urbutis V. (1978). *Žodžių darybos teorija.* Vilnius: Mokslas.

53. Vladarskienė R. (2004). *Sintaksinių priemonių ypatybės valstybės dokumentų kalboje*. Vilnius: Lietuvių kalbos instituto leidykla.
54. Zinkevičius Z. (2004). *Istorijos iškreipimai*. Kaunas: Morkūnas ir Ko.
55. Žilinskienė V. (2002). Žodžių formų vartojimas lietuvių kalbos dalykinio ir publicistinio stilių duomenimis. *Lituanistica*, 1(49), c. 106-116.
56. Župerka K. (1983). *Lietuvių kalbos stilistika*. Vilnius: Mokslas.
57. *Dvišalės sutartys tarp Lietuvos ir Rusijos vyriausybių*. Доступ к Интернету: <http://www.urm.lt/index.php?-1616394845>.
58. *Lietuvos ir Rusijos įsigaliojusios pagrindinės ekonominės sutartys ir susitarimai*. Доступ к Интернету: <http://ru.mfa.lt/index.php?746889682>.

SANTRAUKA

Magistro darbo tema „Dalyviai rusų teisiniuose tekstuose ir jų vertimas į lietuvių kalbą“. Darbo tikslas – išanalizuoti iš teisinių tekstų išrinktus dalyvius; komponentinės, sintaksinės, lyginamosios ir statistinės analizės būdu nustatyti dalyvių vartojimo rusiškuose juridiniuose tekstuose ypatumus, jų vertimo į lietuvių kalbą panašumus bei skirtumus.

Dalyvių funkcionavimas, jų vartojimo ypatumai bei vertimo transformacijos tiriami remiantis Lietuvos Respublikos ir Rusijos Federacijos vyriausybiniais susitarimais. Dalyvių ir jų konstrukcijų vartojimo teisiniuose tekstuose tyrimas tiesiogiai susijęs su tikslumo raiška informacijos glaustumo reikalaujančiuose dokumentuose.

Teisinių dokumentų tekste slypi nesuvokimo, netikslaus traktavimo ar dviprasmiško supratimo potencialas. Konfliktiški yra ne patys tekstai, o situacijos, galinčios kilti naudojant verstinius tekstus, taikant juos atskirų kalbinių situacijų praktikoje. Darbo aktualumą lėmė dalyvinių konstrukcijų reikšmė teisiniuose tekstuose, didelės rusų ir lietuvių kalbų dalyvių darybos galimybės.

Darbe pateikta su dalyvių darybos bei vartojimo tema susijusios mokslinės literatūros apžvalga, nustatyti tam tikri dalyvių vartojimo teisiniuose tekstuose ypatumai. Lietuvių bei rusų mokslinių darbų pagrindu atlikta dalyvinių konstrukcijų reikšmės teisiniuose tekstuose lyginamoji analizė. Ištirtas vertimo iš rusų kalbos į lietuvių kalbą metu vykstančio dalyvių išlikimo faktas ir transformavimosi potencialas.

Teisiniuose tekstuose svarbiausias apibendrintas turinys, todėl dažniausiai naudojamos neveikiamosios rūšies dalyvinės konstrukcijos. Dalyviai vartojami ypač dažnai, nes nebūtina pabrėžti veikėjo svarbos, o siekiama nurodyti veiksmo dinamiškumą, sukongretinti ir aiškiai apibrėžti reikšmę.

Atlikus dalyvių rusiškaime tekste bei jų vertimo į lietuvių kalbą struktūrinę analizę nustatyta, kad teisiniuose tekstuose dažnesnės esamojo laiko dalyvio formos nei būtojo.

Sintaksinė dalyvių abejose kalbose analizės rezultatai parodė, kad valstybės juridinių dokumentų tekstų struktūrą sudaro sudėtiniai bejungtukiai sakiniai, kuriuose dalyviai dažniausiai atlieka pažymimąją, paaiškinamąją funkciją.

SUMMARY

The theme of the Master's Thesis is "PARTICIPLES IN RUSSIAN LEGAL TEXTS AND TRANSLATION THEREOF INTO LITHUANIAN". The objective of the Thesis is to analyse the participles selected from legal texts; to establish the peculiarities of using of participles in Russian legal texts, the similarities and differences of translation thereof into Lithuanian using the method of component, syntax, comparative and statistical analysis.

Functioning of participles, peculiarities of using thereof as well as translational transformations were investigated with reference to the governmental agreements between the Republic of Lithuania and Russian Federation. The research of usage of participles and their constructions in legal texts is immediately concerned with the expression of precision in documents requiring the briefness of information.

The potential of senselessness, inaccurate treatment or ambiguous understanding lies behind the text of legal documents. Conflicting are not the texts themselves, but the situations, which may emerge using translated texts, applying them in the practice of separate linguistic situations. The topicality of the study was determined by the relevance and meaning of participial constructions in legal texts, huge possibilities of participle formation in Russian and Lithuanian languages.

In the Thesis, there is presented the review of scientific literature concerning the theme of participle formation and usage; particular peculiarities of participle using in legal texts are established. The comparative analysis of the meaning of participial constructions in legal texts was performed on the basis of Lithuanian and Russian scientific studies. The fact of survival of participles and the potential of transformation thereof during translation from Russian to Lithuanian was investigated.

In legal texts, the generalised content is the most important; therefore the participial constructions of the passive voice are usually used. Participles are used especially often, whereas the importance of the actor is not subject to necessary emphasising, usually it is pursued to indicate the dynamism of the action, to concretise and define clearly the meaning.

Having performed the structural analysis of participles in Russian texts as well as translation thereof into Lithuanian language, it was established that the forms of the present tense of participles were more frequent in legal texts than the ones of the past tense.

The results of the syntactical analysis of participles in the both languages demonstrated that the structure of the state juridical document texts consisted of composite asyndetic sentences, where participles usually performed attributive, explanatory functions.

Anotacija

Violeta Martinskaitė-Vasilik, *Dalyviai rusų teisiniuose tekstuose ir jų vertimas į lietuvių kalbą. Magistro darbas*, vadovė doc. I. Boikienė, Šiaulių universitetas, Rusų kalbos katedra, 2010, 56 p.

Annotation

Violeta Martinskaitė-Vasilik, *Participles in Russian Legal Texts and Translation thereof into Lithuanian. Master's Thesis*, scientific adviser Docent I. Boikienė, Šiauliai University, Russian Language Department, 2010, pp. 56.

Аннотация

Виолетта Мартинскайте-Василик, *Причастия в русских юридических текстах и их перевод на литовский язык. Магистерская работа*, научный руководитель доц. И. Бойкене, Шяуляйский университет, Кафедра русского языка, 2010, 56 с.